

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Каллимахъ и его „Таблицы“ (ΠΙΝΑΚΕΣ).

Кто, подобно намъ, занятъ вопросомъ объ историко-литературныхъ трудахъ Каллимаха, для того разобраться въ пестрой путаницѣ хронологическихъ показаній, даваемыхъ на этотъ счетъ нашими источниками, существенно важно и необходимо,—хотя бы въ его планы и не входило представить подробное жизнеописаніе названнаго свѣтила александрійской учености. Поэтому настоящую главу своего сочиненія мы прямо начинаемъ съ опредѣленія времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Каллимахъ.

Но по самому свойству свидѣтельствъ, долженствующихъ служить для насъ при этомъ исходною точкою, такое опредѣленіе стоитъ въ прямой и безусловной связи съ установленіемъ хронологическихъ терминовъ и для другихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, коихъ знакомцемъ, другомъ, современникомъ, учителемъ или преемникомъ Каллимахъ слылъ и именовался. Таковы Зенодотъ, Аратъ, Теокрытъ, Эратосѣенъ, Аристофанъ византійскій и др.

Общими чертами время жизни Каллимаха опредѣляетъ Свида въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего словаря. Изъ этого источника мы узнаемъ, что знаменитый александрійскій грамматикъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ при Птоломѣѣ Филадельфѣ (ἐπὶ δὲ τῶν χρόνων ἧν Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου), однако захватилъ и царствованіе его преемника, Птолемея Эвергета (καὶ παρέτεινε μέχρι τοῦ Εὐεργέτου κληθέντος Πτολε-

μαίου), который вступилъ на престолъ въ 247/6 г. ¹⁵⁴). Съ этимъ совершенно согласно и показаніе Авла Геллія, относящаго время процвѣтанія и наивысшей славы нашего ученаго къ той порѣ, когда возгорѣлась первая пуническая война, т. е. ко второй четверти III-го до-христіанскаго столѣтія ¹⁵⁵). Къ сожалѣнію, нигдѣ не встрѣчаемъ мы только болѣе близкихъ и точныхъ датъ, какъ относительно времени рожденія и смерти Каллимаха, такъ и относительно его ученой и литературной дѣятельности. Такія даты возможно установить лишь посредственнымъ путемъ, пользуясь отчасти глухими намеками на лица и событія современности, попадающимися тамъ и сямъ въ сочиненіяхъ самаго Каллимаха, отчасти же бѣглыми замѣчаніями, разсѣянными въ бѣдныхъ историческимъ матеріаломъ біографіяхъ его сподвижниковъ и учениковъ.

Но этотъ «посредственный путь», само собою разумѣется, не безъ неудобствъ и не безъ опасностей: намеки легко истолковать превратно; читая между строкъ, легко прочитывать больше того, сколько въ дѣйствительности авторомъ сказано; а комбинируя случайныя, вскользь брошенныя замѣчанія біографовъ и схоластовъ съ цѣлью восполненія пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, почти неизбѣжно попасть въ лабиринтъ непримиримыхъ противорѣчій.

Возьмемъ для примѣра слѣдующее обстоятельство. Въ каллимаховомъ гимнѣ къ Аполлону рассказывается между прочимъ о чудесномъ участіи этого бога въ дѣлѣ основанія Кирены. «Фабъ», повѣствуетъ поэтъ, «плодородную родину мою указалъ Батту и, обернувшись ворономъ, какъ надеж-

¹⁵⁴) Въ текстѣ Свида явная ошибка: ρκζ вм. ρλγ. Вмѣстѣ съ А. Герке (Alexandrinische Studien, Rhein. Mus. 42, стр. 613, прим. 2) я отвергаю всю вторую часть фразы (ὀλομπιάδος δὲ ρκζ, ἧς κατὰ τὸ δεύτερον ἔτος ὁ Εὐεργέτης Πτολεμαῖος ἤρξατο τῆς βασιλείας).

¹⁵⁵) Aul. Gell. XVII, 21: „Anno deinde post Romam conditam quadringentesimo ferme nonagesimo, consulibus Appio Claudio cui cognomentum Caudex fuit, Appii illius Caeci fratre, et M. Fulvio Flacco, bellum adversus Poenos primum coeptum est. Neque diu post Callimachus poeta Cyrenensis Alexandriae apud Ptolemaeum regem celebratus est“.

ный вождь, повелъ за собою народъ при его вступленіи въ Либію. Онъ же клятвенно обѣщалъ дать стѣны нашимъ царямъ. А вѣдь Аполлонъ всегда сдерживаетъ свои клятвы» ¹⁵⁶). Вслѣдъ за схолиастомъ, поясняющимъ слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ въ приведенномъ мѣстѣ словами „τῷ Πτολεμαίῳ“, комментаторы подразумѣвали подъ «царями», о которыхъ говоритъ Каллимахъ, двухъ Птолемеевъ, — Филадельфа и Эвергета ¹⁵⁷). Толкуя наше мѣсто въ этомъ смыслѣ, они приурочивали самое написаніе гимна къ тому времени, «когда Кирена, еще при жизни Птолемэя Филадельфа, была обезпечена за Птолемеемъ Эвергетомъ, благодаря предстоявшему тогда браку его съ Береникою, дочерью Маги» ¹⁵⁸), или даже ко времени совмѣстнаго царствованія обоихъ названныхъ Птолемеевъ, послѣ присоединенія Кирены ¹⁵⁹). На самомъ дѣлѣ текстъ гимна не даетъ никакого права помѣчать это стихотвореніе столь позднею датою и нисколько не вынуждаетъ насъ признавать небывалый фактъ совмѣстнаго правленія Филадельфа и Эвергета: ненадобно особенной прозорливости, чтобы слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ отнести просто къ полумиѳическимъ царямъ начального періода исторіи Кирены и такимъ образомъ сразу отнять у нихъ значеніе хронологическаго показателя. Можно только удивляться, что это сдѣлано лишь въ самое недавнее время, — сперва А. Герке (въ его «Александрійскихъ этюдахъ»), а потомъ Э. Маассомъ (въ журн. *Hermes*, XXV [1890], стр. 410 сл.), сумѣвшими не поддаться искушенію видѣть намеки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ ¹⁶⁰).

¹⁵⁶) Callim. h. II v. 65—68.

¹⁵⁷) Впрочемъ, Шпангеймъ понималъ слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ шире, относя ихъ къ Птолемеемъ вообще, изъ коихъ уже Сотеръ могъ считаться поводителемъ Кирены. Срв. его примѣчаніе въ изданіи Эрнести (II, p. 121).

¹⁵⁸) Couat *Poésie alex.* p. 43. [Смерть Маги Куа по прежнему датируетъ 258 годомъ, слѣдуя разсчету Thrige; но срв. Gercke *Rhein. Mus.* 42 стр. 262 слл.].

¹⁵⁹) O. Richter *Kallimachus Hymnen auf Zeus und Apollo, zwei Momente im Leben des Ptolemaeus Philadelphus.* Guben. 1871. Стр. 11.

¹⁶⁰) Въ каллимаховыхъ схоліяхъ при словѣ „βασιλῆϊ“ (h. II, v. 26) читаемъ: τῷ Πτολεμαίῳ τῷ Εὐεργέτῃ. διὰ δὲ τὸ φιλόλογον αὐτὸν εἶναι, ὡς θεὸν τιμᾶ. Это замѣчаніе кроетъ въ себѣ основной источникъ ошибки. Герке

Что касается хронологическихъ противорѣчій, къ которымъ приводить сличеніе различныхъ мѣстъ у біографовъ и схолиастовъ, то нѣкоторыя изъ нихъ весьма существенны, и всѣ изслѣдователи занимающаго насъ вопроса, начиная съ Партея, Ричля, Бернгарди, Клинтонъ, Зеемана, Вейхерта, Меркеля, Кейля и др. и кончая Бушемъ, Линке, Куа, Герке, Ранновымъ и Зуземилемъ, считали своею обязанностию по-сильно содѣйствовать устраненію этой трудности. Мы въ свою очередь остановимъ вниманіе читателя на данныхъ, сюда относящихся, и постараемся съ полною объективною выяснить, какъ великъ въ дѣйствительности запасъ положительныхъ свидѣтельствъ о Каллимахѣ, заключающихся въ нашихъ источникахъ ¹⁶¹).

Изъ всѣхъ писателей александрійскаго періода мы наилучшимъ образомъ освѣдомлены объ Аратѣ, и, какъ показанія пяти дошедшихъ до насъ жизнеописаній его въ общемъ согласны между собою, то, стало быть, даты, устанавливаемые этими жизнеописаніями, мы вправѣ считать заслуживающими довѣрія. Примемъ же эти даты за точку отправленія.

Аратъ, сообщаятъ намъ его біографы, жилъ при Антигонѣ Гонатѣ и Птолемѣ Филадельфѣ ¹⁶²), и время его про-

(Alex. Studien, Rhein. Mus. 44, стр. 254) справедливо говоритъ: „was den Scholiasten bewogen hat, diesen König für den dritten Ptolemäer zu erklären, ist nicht zu sagen; jedenfalls enthält diese Notiz für uns keinen genügenden Anhalt den Hymnus zu datiren, dessen etwaige politische Veranlassung wir ebenfalls nicht kennen“. Susemihl (Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit. Leipz. 1891) относитъ аполлоновъ гимнъ либо къ 263 г. до Р. Х., либо къ 248/7 (см. I, стр. 361).

¹⁶¹) Казалось бы, странно увѣрять въ своей объективности, когда дѣло идетъ о вопросахъ, подобныхъ настоящему; но въ какой мѣрѣ возможно даже и въ рѣшеніи этого вопроса стать въ зависимость отъ предвзятой мысли, о томъ можетъ свидѣтельствовать примѣръ Буша (Busch De bibliothecariis Alexandrinis qui feruntur primis. Schwerin. 1884).

¹⁶²) Westermann p. 53, 40: γέγονε δ' ὁ Ἀρατος κατ' Ἀντίγονον τὸν τῆς Μακεδονίας βασιλέα, ὃς ἐπεκλήετο Γονατᾶς. 54, 71: Ἀντίγονος γάρ, ὃ συνεγένετο Ἀρατος, κατὰ τὸν πρῶτον καὶ δεύτερον γέγονε Πτολεμαῖον. 56, 5: ἐν τοῖς χρόνοις ἐγένετο κατὰ Φιλάδελφον τὸν βασιλέα. 60, 10: σχολάσας δ' ὁ Ἀρατος Περσείῳ τῷ φιλοσόφῳ Ἀθήνησι καὶ συνελθὼν αὐτῷ εἰς Μακεδονίαν μεταπεμφθέντι ὅπ' Ἀντιγόνου καὶ παρελθὼν εἰς τὸν Ἀντιγόνου καὶ Φίλας γάμον καὶ εὐδοκίμησας τὸ λοιπὸν τοῦ χρόνου διέτριψεν ἐκεῖσε. 61, 5: γεγονώς ἐν τῇ ῥῆδ' Ὀλυμπιάδι, ὅτε ἦν Ἀντίγονος βασιλεὺς Μακεδονίας, — ὁ Γονατᾶς κληθεῖς. καὶ συνήκει τε αὐτῷ καὶ παρ' αὐτῷ ἐτελεύτησε.

цвѣтанія совпадало съ разцвѣтомъ славы Александра этольскаго, Каллимаха, Антагора родосскаго, математика Никандра и Персѣя философа, котораго Аратъ слушалъ въ Аѣинахъ и съ которымъ вмѣстѣ онъ явился ко двору Гоната, чтобы присутствовать при бракосочетаніи послѣдняго. Кромѣ того Филетъ косскій и Менандръ также еще находились въ живыхъ по крайней мѣрѣ въ началѣ его ученой и литературной дѣятельности ¹⁶³). Нѣкоторое время онъ проживалъ при дворѣ Антиоха сирійскаго, сына Селевка ¹⁶⁴), но умеръ въ Македоніи, притомъ раньше своего покровителя Антигона ¹⁶⁵). Каллимахъ считалъ Арата старше себя, хотя, повидимому, между ними разница въ лѣтахъ была незначительна ¹⁶⁶); Никандръ же колофонскій, авторъ дидактической поэмы „Θηρίαχά“, котораго нѣкоторые признавали современникомъ нашего поэта, былъ моложе его на цѣлыхъ 12 олимпіадъ ¹⁶⁷). Аратъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ философомъ Діонисіемъ гераклеотомъ ¹⁶⁸) и, можетъ быть, пользовался его наставленіями; впрочемъ, несомнѣнно, онъ ознакомился съ ученіемъ стоиковъ и непосредственно, на лекціяхъ самого Зенона, находившагося въ пору пребыванія Арата въ Аѣинахъ, правда, въ преклонномъ возрастѣ, но еще продолжавшаго свои философскія студіи.

Вотъ рядъ отношеній, установленіе которыхъ позволяетъ опредѣлить крайніе термины жизни Арата. Время полного разцвѣта его силъ и таланта, — его ἀκμή, — приурочено всѣми біографами согласно къ 124—125 ол. Въ переводѣ на общепонятный языкъ это значитъ, что въ періодъ времени отъ 284 по 277 г. до Р. Х. онъ былъ въ возрастѣ между

¹⁶³) Сомнѣніе относительно Менандра высказано у Ричля Опп. I p. 70 et adn.

¹⁶⁴) Westermann p. 54, 60; 58, 25.

¹⁶⁵) Ibid. p. 61, 7.

¹⁶⁶) Ibid. p. 54, 74: μένεται γοῦν αὐτοῦ καὶ Καλλίμαχος ὡς πρεσβυτέρου οὐ μόνον ἐν τοῖς ἐπιγράμμασι, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς πρὸς Πραξιφάνην. Срв. p. 60, 25.

¹⁶⁷) Ibid. p. 60, 21: ὁ γὰρ Νικάνδρος ἐξ ὀλυμπιάσι νεώτερος φαίνεται. „[Das] kann wohl nichts Anderes bedeuten, als dass Nicander erst 12 Olympiaden nach des Aratus Tode geboren sei“ (Ritschl op. l. p. 70 adn.).

¹⁶⁸) Westerm. p. 54, 57; 56, 7. Diog. Laërt. VII, 167.

30 и 40 годами ¹⁶⁹⁾). Безъ сомнѣнія онъ уже не безызвѣстенъ былъ, какъ математикъ, философъ и поэтъ, въ тѣ памятные дни, когда Зенонъ отправилъ его вмѣстѣ съ другимъ своимъ талантливымъ ученикомъ Персеемъ въ Македонію. Это было вскорѣ послѣ того, какъ Антигонъ Гонать успѣлъ овладѣть македонскимъ престоломъ. Бракъ новаго правителя съ его племянницею Филою знаменовалъ собою вступленіе въ новую эру,—онъ долженъ былъ возвѣститъ матеріальное и духовное возрожденіе страны подъ эгидою мира, наступившаго послѣ многихъ лѣтъ несмолкаемой брани. Антигонъ старался придать этому событію именно такой смыслъ и созывалъ къ своему двору для участія въ празднествахъ лучшихъ представителей ума, знанія и искусства. Торжество украшали своимъ присутствіемъ такія знаменитости, какъ Антагоръ родосскій, Тимонъ фліунтскій и т. п. Аратъ не могъ бы примкнуть къ этой славной группѣ, еслибы онъ былъ въ то время лишь начинающимъ писателемъ. Такимъ образомъ мы не боимся предположить, что въ 272 г., когда совершилось бракосочетаніе Антигона съ Филою, ему было не менѣе сорока лѣтъ, и, стало быть, время его рожденія опредѣляется приблизительно 117-ою олімпіадою. Къ этому приводитъ и другое соображеніе. Свой важнѣйшій трудъ,—свою астрономическую поэму,—Аратъ началъ и

¹⁶⁹⁾ Выраженія: ἀκμή, ἡκμασε, συνήκμασε—крайне неопредѣленны. Пора человеческой жизни, ими обозначаемая, противопоставляется молодости и старости, какъ нѣчто среднее: ἐκ τῶν νεωτάτων ἢ ἐκ τῶν γεραιτάτων ἢ ἐξ ἀκμαζόντων (Plat. de rep. V, 459 B); но ἀκμή ближе къ молодости нежели къ старости: ἐν αὐταῖς ταῖς ἀκμαῖς у Исократы (I, 57) противопоставляется—παῖδες ὄντες. Если принять за норму аттическое дѣленіе гражданъ по возрастамъ, то ἀκμή есть приблизительно та пора, когда человекъ считается настолько созрѣвшимъ, что государство можетъ призвать его къ отправленію болѣе отвѣтственныхъ и сложныхъ обязанностей, требующихъ вмѣстѣ и энергіи молодости, и нѣкоторой опытности и знанія жизни. Таковымъ въ Аѳинахъ напр. признавалось участіе въ совѣтѣ пятисотъ, въ народномъ судѣ и т. п. Срв. Xenoph. Memog. I, 2, 35: ἵνα τοίνυν, ἔφη [ὁ Σωκράτης], μὴ ἀμφίβολον ἦ, ὁρίσατέ μοι, μέχρι πόσων ἐτῶν δεῖ νομίζειν νέους εἶναι τοὺς ἀνθρώπους. καὶ ὁ Χαρίκλῆς· ὅσοι περ, εἴπε, χρόνου βουλευεῖν οὐκ ἐξεστίν, ὥς οὕτω φρονίμοις οὔσι. μηδὲ σὺ διαλέγῃς νεωτέρους τριάκοντα ἐτῶν. Въ Спартѣ съ тридцатилѣтняго возраста разрѣшалось гражданамъ посѣщать „апеллу“ (Plut. Lyc. 25). Тотъ же возрастъ требовался для участія въ собраніяхъ ахейскаго союза (Polyb. 29, 9).

окончилъ въ Македоніи, по побужденію Антигона. А что поэма эта была написана, когда авторъ ея находился въ преклонномъ возрастѣ, на то ясно указываютъ слова одного изъ его біографовъ, сообщающаго, что Каллимахъ, бывший моложе Арата и привѣтствовавшій появленіе поэмы эпиграммою, въ ту пору также уже былъ въ лѣтахъ ¹⁷⁰⁾. Впрочемъ, иначе и не могло быть: чтобы считаться современниками, хотя бы и младшими, Филета и Менандра (если только чтеніе *Μενάνδρῳ* у Вестерм. стр. 60, 7 правильно), поэты наши должны были пережить значительную часть царствованія Птолемѣя Сотера, ко временамъ котораго относится *ἀρχή* названныхъ литературныхъ дѣятелей ¹⁷¹⁾.

Что касается года смерти Арата, то для опредѣленія его мы имѣемъ *terminum ante quem*, именно—135-ю олимпиаду, къ первому году которой, по вполнѣ достовѣрному счисленію Полибія, приурочивается смерть Гоната. Поэтому, начиная съ Ричля, изслѣдователи согласно помѣщаютъ исковую дату между 133 и 134 ол., и мы можемъ смѣло послѣдовать ихъ примѣру.

Читатель видитъ, что найденные нами хронологическіе предѣлы для жизни Арата неточны и гадательны; но, какъ они не встрѣчаютъ никакихъ противорѣчій въ данныхъ его біо-

¹⁷⁰⁾ Westerm. p. 60, 25. Ричль на основаніи этого мѣста ошибочно считалъ Каллимаха старше Арата (op. I p. 72), но отказался отъ такого мнѣнія (ibid. p. 148) послѣ разъясненій Бернгарди (Berl. Jahrb. f. wissensch. Kritik, 1838, стр. 838 сл.). Съ другой стороны Клинтонъ старался,—на нашъ взглядъ, безъ особенной необходимости,—вовсе устранить изъ приведеннаго мѣста указаніе на возрастъ Каллимаха: „The account therefore in vit. Arat. *ἦν αὖ δὲ τῷ Κερνηαίῳ ἐπεβάλλετο* is erroneous; and we may read *ἦν αὖδ' [sc. Ἀρατὸς] τῷ Κερνηαίῳ ἐπεβάλλετο* κτλ. Aratus came between Philetas and Callimachus; in his youth he conversed with Philetas, in his old age with Callimachus“ (F. H. III p. 7).

¹⁷¹⁾ Можно присоединить еще одинъ синхронизмъ: въ седьмой идилліи Θεокрита описывается пребываніе поэта вмѣстѣ съ Аратомъ на островѣ Косѣ, гдѣ оба они подъ вымышленными именами фигурируютъ въ числѣ другихъ лицъ въ веселой пасторали. По смыслу стихотворенія, между Θεокритомъ и Аратомъ не было большой разницы въ лѣтахъ,—оба прожили на Косѣ во дни ранней молодости. См. Susemihl op. l. c. IV adn. 10. c. X adn. 8.

графіи и достаточно объясняютъ сопоставленіе его въ нашихъ источникахъ съ иными литературными и историческими дѣателями въ качествѣ ихъ σύγχρονος, γυνώριμος, μαθητής и т. п., то мы и принуждены ими довольствоваться. Мало того, мы даже считаемъ себя по отношенію къ Арату въ особенно счастливомъ положеніи, такъ какъ даты, нами для него принятыя, несмотря на свою аппроксимативность, несомнѣнно, обладаютъ всѣми признаками внутренней достовѣрности ¹⁷²⁾.

Отъ Арата перейдемъ къ Каллимаху. Намъ извѣстно, что онъ былъ моложе автора «Феноменовъ», но многое заставляетъ думать, что разница въ лѣтахъ между ними была вообще невелика. Сюда между прочимъ относится слѣдующее мѣсто изъ латинской версіи аратова жизнеописанія: «factus est autem [Aratus] multum litteratus vir; testatur callimachus assistens ei ab infantia propter praxipanem» [sic] ¹⁷³⁾. Слова эти, какъ бы мы ихъ ни толковали, очевидно, кроютъ въ себѣ тотъ смыслъ, что въ молодости своей Каллимахъ и Аратъ вмѣстѣ занимались у перипатетика Праксифана, стяжавшаго себѣ въ то время славу одного изъ первыхъ грамматиковъ, и что Аратъ уже тогда поражалъ своего младшаго товарища начитанностью и обширными свѣдѣніями ¹⁷⁴⁾. Любопытный киренецъ могъ даже при случаѣ приобѣгать

¹⁷²⁾ Насколько трудна задача хронологическихъ опредѣленій въ области, подлежащей нашему разсмотрѣнію, лучше всего явствуетъ изъ словъ Бернгарди ук. м. Свою жалобу на неполноту и недостаточность нашихъ средствъ, а главное—на непримиримость имѣющихся на лицо данныхъ онъ заключаетъ такъ: „also scheint es eines Prokrustes zu bedürfen, welcher das Zuviel und Zuwenig ins Gleichgewicht zu drängen trachtete“.

¹⁷³⁾ Цитую по Вестерманну, такъ какъ, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою изданій Iriarte и Breysig'a.

¹⁷⁴⁾ Если не ошибаюсь, впервые обратилъ вниманіе на свидѣтельство латинскаго перевода аратовой біографіи,—перевода, во многомъ дополняющаго подлинникъ,—Э. Роде (Rhode, Der griech. Roman, стр. 100, прим.). При этомъ, пытаясь возстановить греческій оригиналъ нашего мѣста, онъ передаетъ „assistens“ черезъ συνών или συστάς; я бы предпочелъ —συσχολάζων или συσχολάζας. Поправка Унгера ἐπιστάς (Susemihl—ἐπισταδείς) имѣетъ то неудобство, что предполагаетъ уже весьма значительное отступленіе переводчика отъ находившагося у него въ рукахъ текста (срв. Susemihl с. X, 10).

къ помощи и указаніямъ Арата, подобно тому какъ и послѣдній, слушая Зенона, не пренебрегалъ наставленіями своихъ талантливыхъ соучениковъ Діонисія и Персея ¹⁷³⁾. Во всякомъ случаѣ слова «ab infantia», представляющія, по видимому, неудачный переводъ греческаго ἐκ νέου или ἐκ νέων, указываютъ на то, что въ пору своего пребыванія въ Аѳи-

¹⁷³⁾ Примѣръ этотъ можетъ также способствовать разъясненію и другого пункта. У Свиды имѣются два показанія: 1) Φιλῆταξ — ἐγένετο δὲ καὶ διδάσκαλος τοῦ δευτέρου Πτολεμαίου; 2) Ζηνόδοτος — μαθητὴς τοῦ Φιλῆτα, ἐπὶ Πτολεμαίου γεγονώς τοῦ πρώτου — τοὺς παῖδας Πτολεμαίου ἐπαίδευσεν. Уже Партей усматривалъ въ этихъ показаніяхъ противорѣчіе и съ цѣлью его устранения предполагалъ, что во второй цитатѣ разумѣется не извѣстный поэтъ и грамматикъ Филетъ косскій, а какой нибудь другой Филетъ (напр. эфесскій. Срв. Parthey op. l. p. 71). Въ недавнее время сомнѣнія Партея возобновили Couat: „Il n'est guère possible en effet, — et je m'étonne qu'on ait pu négliger cette contradiction, — que Zénodote, après avoir été le disciple de Philetas, soit devenu comme lui le précepteur des fils de Ptolémée Soter. Ajoutons que les fils de Soter, nés de plusieurs lits, étaient séparés par un assez grand nombre d'années, et que le fils de Bérénice seul, Philadelphus, disciple de Philétas, reçut une éducation complète“ (p. 33). Повидимому, соображенія эти не остались безъ вліянія и на Зуземиля (ук. соч. гл. XII, прим. 11). Что касается меня, то, признаюсь, я не усматриваю здѣсь никакого противорѣчія. Отчего Зенодотъ, старшій ученикъ Филета, не могъ въ послѣдствіи стать въ свою очередь наставникомъ его младшаго ученика, Филадельфа? Вѣдь имѣемъ же мы въ жизнеописаніяхъ Арата категорическія указанія: ἐσχόλασε Διονυσίῳ τῷ Ἠρακλεώτῃ, σχολάσας Περσείῳ τῷ φιλοσόφῳ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и — ἐκέχρητο Ζήνῳ, хотя Зенонъ былъ учителемъ Діонисія и Персея, а по возрасту Персей былъ, какъ кажется, ровесникомъ Арата. Правда, Куа и Зуземиль заподозриваютъ и эти свидѣтельства; но въ такомъ случаѣ можно подыскать множество другихъ аналогій. Таѣ напр. Свидя называетъ Эратосѣена учителемъ Аристофана византийскаго (μαθητὴν ἐπίσημον κατὰ τὸν [sc. 'Ερατοσθένους] 'Αριστοφάνην τὸν Βυζάντιον), несмотря на то, что и Эратосѣенъ, и Аристофанъ были оба учениками Каллимаха. У того же Свиды Продикъ кейскій и Исократъ значатся оба учениками Протагора абдерита, между тѣмъ какъ во всѣхъ біографіяхъ Исократа Продикъ фигурируетъ въ числѣ учителей послѣдняго (Suid. s. vv. Πρόδικος, Πρωταγόρας; Westerm. p. 245 sqq.). Въ біографіи Теоокрита читаемъ: ἀκουστὴς δὲ γέγονε Φιλῆτα καὶ Ἀσκληπιάδου, ὃν μυημένον εἶπε (Westerm. p. 185); но Асклепιάдъ самосскій самъ былъ ученикомъ Филета (Schol. Theocr. Arg.). Не больше затрудненій представляетъ и выраженіе Свиды „τοὺς παῖδας ἐπαίδευσεν“. Что оно не точно и что подъ словами „τοὺς παῖδας“ мы можемъ разумѣть одного только Птолемея Филадельфа, на это указалъ уже Ричль. Довольно уклончиво судить объ этомъ предметѣ Герке, но и онъ, по видимому, склоняется къ такому же мнѣнію: „Wenn Suidas sich etwas dabei gedacht hat, говоритъ онъ, hat er jedenfalls nicht an die Kinder des Philadelphos gedacht“ (Rh. Mus. 42, стр. 602, прим. 4).

нахъ наши поэты были оба молоды, что тотъ и другой переживали годы ученья. Поэтому я не думаю, чтобы различіе въ возрастѣ между ними простиралось далѣе 5—8 лѣтъ, и время рожденія Каллимаха считаю возможнымъ приурочить къ 119-й ол. (304—301 до Р. Х.). Посмотримъ, насколько согласуется эта дата съ прочими показаніями его біографовъ.

По свидѣтельству тзетзовыхъ схолій, Каллимахъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда Филadelphъ поручилъ ему завѣдываніе александрійской бібліотекою. Тотъ же Тзетзь называетъ Каллимаха и Эратосѣена ἡλικιώται, между тѣмъ такъ изъ словаря Свида явствуетъ, что Эратосѣенъ родился въ 276—273 г. до Р. Х. (ἐτέχθη δὲ ρχς ὀλυμπιάδι) ¹⁷⁶). Очевидно, что то и другое не соотвѣтствуетъ датѣ, нами только что найденной. Съ другой стороны есть много такого, что напротивъ подтверждаетъ эту дату. Такъ, по Геллію, начало каллимаховой славы надлежитъ отнести приблизительно къ концу 129-й или къ первымъ годамъ 130-й ол. Если гелліево «celebratus est» значить то же, что греческое ἤχμασε, то въ эту пору Каллимахъ находился въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ. Мы знаемъ, что по возвращеніи изъ своего путешествія по материковой Греціи, гдѣ онъ занимался у многихъ преподавателей, каковы напр. Гермократь, Праксифанъ и проч. ¹⁷⁷), онъ самъ открылъ школу въ Элевсинѣ, предмѣстьѣ города Александріи ¹⁷⁸). Я полагаю, что уже и тогда онъ врядъ ли былъ юношею; тѣмъ болѣе должно было пройти немало времени, прежде чѣмъ малоизвѣстный выходецъ изъ Кирены могъ обратить на себя

¹⁷⁶) Ritschl Opusc. I p. 200,9: νεανία ἦσαν Καλλιμάχος καὶ Ἐρατοσθένης; p. 206,16: Ἐρατοσθένης δὲ ὁ ἡλικιώτης αὐτοῦ (sc. Καλλιμάχου).

¹⁷⁷) Такъ какъ о Гермократѣ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что онъ былъ уроженецъ Іаса, то и нельзя достовѣрно рѣшить, гдѣ именно учился у него Каллимахъ, — въ Аѳинахъ, Киренѣ или въ другомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ не беремся судить, почему изъ наставниковъ и руководителей Каллимаха, которыхъ было, разумѣется, нѣсколько и къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ Праксифанъ, Свида указываетъ на одного только Гермократа. Возможно, что во времена византійскаго лексикографа это еще не было ὄνομα ἄτιμον.

¹⁷⁸) Suid s. v. Καλλιμάχος.

вниманіе александрійскаго ученаго міра и получить отъ Филадельфа лестное приглашеніе стать членомъ музея. Если Каллимахъ былъ признанъ достойнымъ преемникомъ Зенодота въ трудномъ дѣлѣ завѣдыванія книжными сокровищами Птолемеевъ, то онъ долженъ былъ имѣть за собою славное прошлое. Не слѣдуетъ забывать, что должность бібліотекаря въ начальномъ періодѣ существованія царскаго книгохранилища въ Александріи, пока шла провѣрка, классификація, оцѣнка и перепись рукописей, массами поступавшихъ въ собраніе, была гораздо тяжелѣе и отвѣтственнѣе, нежели позднѣе, когда, такъ сказать, механизмъ этого учрежденія былъ совершенно слаженъ и приведенъ въ правильное движеніе. Она требовала солидныхъ знаній и опытности. Въ виду этого я думаю, что загадочное выраженіе Тзетза *„νεανίσκος ὢν τῆς αὐλῆς“* (въ плавтинскомъ схоліѣ просто «*aulicus regius bibliothecarius*») требуетъ иного толкованія, нежели то, которое обыкновенно ему дается ¹⁷⁹⁾. Что оно представляетъ собою продуктъ искаженія, это, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Не крѣится ли подъ его оболочкою какой нибудь оффиціальнй титулъ, составленный напр. по образцу извѣстнаго *„ὁ περὶ τὴν αὐλὴν διάδοχος“*? Мы знаемъ, какъ много различныхъ градацій допускала іерархія военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ Египтѣ во времена македонскаго владычества и какими сложными формами отличалась титулатура чиновниковъ дворцоваго вѣдомства при Птолемеехъ ¹⁸⁰⁾. Нельзя утверждать положительно, что члены музея или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые завѣдывали различными специальными отдѣлами этого учрежденія, не носили какихъ либо особенныхъ оффиціальныхъ обозначеній. Во всякомъ случаѣ, если даже, какъ предполагаетъ Бушъ, Каллимахъ не занималъ должности главнаго бібліотекаря или, можетъ быть, не сразу занялъ ее, а былъ только ассистентомъ при Зенодотѣ, то все же это, конечно, былъ зрѣ-

¹⁷⁹⁾ Напр. Couat стр. 45, Susemihl гл. XII прим. 68.

¹⁸⁰⁾ Срв. введеніе Франца къ отдѣлу египетскихъ надписей въ Corp. Inscr. Gr. (III, 2 стр. 290 слл.).

лый мужъ, какъ и другіе ученые сподвижники Зенодота (Ликофронъ и Александръ этольскій), а не человѣкъ безъ имени въ литературѣ и въ наукѣ.

Существуетъ однако еще одно обстоятельство, въ силу котораго дата, нами установленная, можетъ быть оспариваема. Въ числѣ стихотвореній Каллимаха есть гимнъ къ Зевсу, время возникновенія котораго многое заставляетъ, повидимому, приурочить, если не къ самому году вступленія Филадельфа на престолъ, то по крайней мѣрѣ къ первымъ годамъ его царствованія. Въ этомъ гимнѣ поэтъ передаетъ мнѣ о рожденіи Зевса въ Аркадіи и о его воспитаніи на островѣ Критѣ, прославляетъ быстрое преусиѣяніе бога, еще младенцемъ таившаго въ головѣ своей великія мысли (*ἀλλ' ἔτι παιδὸν ὧν ἐφράσσαο πάντα τέλεια*) и, несмотря на юность, одолѣвшаго старшихъ братьевъ въ борьбѣ за обладаніе міромъ (*τῷ τοι καὶ γυντοὶ προτερηγενέες περ ἑόντες οὐρανὸν οὐκ ἐμέγηραν ἔχειν ἐπιδαίσιον οἶκον*), и указываетъ на высокія преимущества Зевса надъ прочими олимпійцами: компетенція каждаго изъ нихъ ограничена болѣе или менѣе тѣсными предѣлами, для власти Кронида такихъ предѣловъ нѣтъ; онъ—высшій блюститель правды, онъ царь надъ царями; между послѣдними онъ распредѣляетъ богатства и почести,—впрочемъ, распредѣляетъ не въ равномъ количествѣ. Это авторъ гимна доказываетъ на примѣрѣ своего государя, который де далеко превзошелъ другихъ: *ἐσπέριος καὶνός γε τελεῖ τὰ κεν ἦρι νοήσῃ. ἐσπέριος τὰ μέγιστα, τὰ μείονα δ' εὖτε νοήσῃ*. Схолиастъ обязательно поясняетъ текстъ словами: „*περὶ τοῦ Πτολεμαίου ταῦτα λέγει*“; но, разумѣется, и безъ такого поясненія самый недогадливый читатель можетъ безъ труда понять, что не только мѣсто, приведенное нами въ подлинникѣ, но и все стихотвореніе есть тонкая лесть, рассчитанная на умѣнне образованнаго правителя читать между строками. Эта лесть была предназначена для ушей Филадельфа: не обнаруживалъ ли и онъ самъ, подобно Зевсу, чуть не съ колыбели задатки ума возвышеннаго и глубокаго? Не протекла ли и его юность, какъ это описано въ гимнѣ, среди заботливыхъ

попеченій избранныхъ воспитателей? Не одержалъ ли и онъ, какъ младшій сынъ Крона, побѣды надъ старшими братьями въ спорѣ о престолонаслѣдіи? И, какъ Зевсъ, онъ не слѣпому жребію обязанъ былъ всеѣми своими успѣхами, а собственнымъ усиліямъ, своимъ личнымъ дарованіямъ, своему умственному превосходству.

Каллимаховъ гимнъ, несомнѣнно, былъ написанъ по случаю какого нибудь торжества и не безъ опредѣленныхъ видовъ. Это можно было бы смѣло утверждать, судя по тону стихотворенія и по необыкновенной тщательности его обработки, даже въ томъ случаѣ, еслибы во вступительной части его и не было прямого, категорическаго указанія на предстоящія пиршественныя возліянія: *Zḡnός εἰσι τί κεν ἄλλο παρὰ σπονδῆσιν αἰδεῖν λωῖον ἢ θεὸν αὐτὸν αἰε μέγαν*. Поэтому не разъ высказывалось предположеніе, что это нѣчто вродѣ официальной кантаты, написанной ко дню восшествія на престолъ и даже по заказу двора. Въ самомъ дѣлѣ въ 285 г., когда Филадельфъ принялъ въ свои руки бразды правленія, его торжество не было еще омрачено злодѣянiami, братоубійственная распря еще не начиналась, и придворный поэтъ безъ боязни совершить безтактность могъ въ своемъ гимнѣ намекнуть на побѣду правителя надъ его старшими братьями, сыновьями Эвридики. Позже, тотчасъ послѣ трагической смерти этихъ братьевъ, такой намекъ въ праздничной пѣснѣ зазвучалъ бы оскорбительнымъ диссонансомъ и легко могъ бы утратить ароматъ искуснаго комплимента ¹⁸¹⁾. Но съ другой стороны столь ранняя дата стихотворенія совершенно опрокидываетъ все наши хронологическія построенія и увлекаетъ насъ въ вихрь всевозможныхъ противорѣчій. Если Каллимахъ сочинилъ свой гимнъ къ Зевсу не позже 285 г., то годъ его рожденія отступаетъ далеко за предѣлы 119-й ол. Дворъ поручаетъ составленіе официальныхъ кантатъ не начинающимъ поэтамъ, не новичкамъ въ литературѣ, не юношамъ, а людямъ съ извѣстнымъ авторитетомъ. Положимъ,

¹⁸¹⁾ См. Couat ук. соч. стр. 200 слл.

что Каллимахъ и самъ былъ царской крови ¹⁸²⁾, что онъ могъ съ дѣтства вращаться въ высшихъ сферахъ и, такъ сказать, съ молокомъ матери всосать въ себя пріемы и тонъ той особенной, придворной *courtisie*, которая видна въ его случайныхъ произведеніяхъ, подобныхъ нашему стихотворенію; положимъ даже, что, несмотря на скромное званіе преподавателя какой то подгородней школы, онъ могъ быть рекомендованъ двору, могъ, благодаря своему знатному родству, имѣть протекцію, обезпечившую за нимъ преимущество надъ всѣми конкурентами и позволившую ему въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща фигурировать въ качествѣ придворнаго поэта,—все же и такая комбинація сомнительныхъ вѣроятностей не лишена нѣкоторыхъ существенныхъ неудобствъ. Во-первыхъ, Каллимахъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ тогда уже выйти изъ юношескаго возраста и имѣть по крайней мѣрѣ не менѣе 25 лѣтъ, такъ какъ изъ его жизни слѣдуетъ отдѣлать нѣкоторый и притомъ не очень малый періодъ времени для его путешествій, предпринятыхъ имъ, разумѣется, не раньше 16—18 лѣтъ отъ роду и предшествовавшихъ водворенію его въ столицѣ Египта. Во-вторыхъ, относя гимнъ къ Зевсу къ самой начальной порѣ поэтическаго творчества Каллимаха, мы должны предположить уже въ первыхъ литературныхъ опытахъ этого писателя необыкновенную зрѣлость мысли, рѣдкое совершенство формы, умѣнье при богатствѣ и разнообразіи содержанія придать своему произведенію небольшіе размѣры и въ то же время не унустить изъ виду ни одной существенной черты, искусство въ группировкѣ и выборѣ мифологическихъ деталей,—словомъ, тѣ качества, которыя и у болѣе талантливыхъ поэтовъ являются плодомъ продолжительной работы

¹⁸²⁾ Strab. XVII p. 837: λέγεται δὲ ἡ Κυρήνη κτίσμα Βάττου, πρόγονον δὲ τοῦτον ἐκ τοῦ φάσκει Καλλίμαχος. Срв. Callim. epigr. XXIII (21). Отецъ Каллимаха носилъ обычное въ родѣ киренскихъ царей имя Батта. Срв. Herod. IV, 155: Λίβυες γὰρ βασιλεῖα βάττον καλέουσι. O. Schneider (Callim. II p. 687) цитируетъ L. Caecil. Minutian. Apuleius de Ortograph. p. 137 Mai: Battus—fuit et Polymnesti filius, qui Cyrenem condidit, unde Cyrenenses poëtae dicuntur Battidae.

надъ своимъ дарованіемъ и литературной опытности. Мнѣ вообще кажется, что на это обстоятельство не было до сихъ поръ обращено надлежащаго вниманія. Гимнъ къ Зевсу— произведеніе въ своемъ родѣ образцовое. Правда, онъ не носитъ на себѣ слѣдовъ непосредственнаго вдохновенія, онъ не преисполненъ истиннаго, горячаго одушевленія, но это все же и не мертворожденный плодъ кропотливой учености, какимъ его многіе считали. Тема его выбрана удачно и разработана съ изяществомъ. Авторъ уклоняется отъ подробнаго изложенія мифовъ, какъ бы предполагая въ своей публикѣ знакомство съ ними, но останавливается на ихъ объясненіи, которое клонится къ восхваленію мудрости божества, взыскавшаго своими милостями мудрѣйшаго изъ владыкъ земныхъ. Изложеніе ясно и свободно отъ тѣхъ утомительныхъ мифологическихъ прикрасъ, на которыя такъ бывали тароваты александрійскіе поэты и самъ Каллимахъ и которыми такъ затемнено пониманіе ихъ твореній. Здѣсь, можно сказать, всего въ мѣру,—и учености, и чувства, и политики ¹⁸³⁾. Оттого наше стихотвореніе при чтеніи оставляетъ послѣ себя, пожалуй, въ большей мѣрѣ, нежели другіе гимны Каллимаха, впечатлѣніе гармоніи и стройности, если не художественности. Оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ эстетической критики. Такъ дебютировать, если только Каллимахъ дѣйствительно дебютировалъ зевсовымъ гимномъ, могъ лишь поэтъ недюжиннаго ума и большого таланта. Въ умѣ, конечно, никто и не откажетъ нашему автору; но, что касается дара поэтического творчества, то надобно признаться,—онъ не оправдалъ въ этомъ отношеніи тѣхъ надеждъ, какія можно было бы возложить на него, еслибы, повторяю, зевсовъ гимнъ былъ однимъ изъ первыхъ его поэтическихъ опытовъ.

¹⁸³⁾ Солат, не находя въ гимнѣ къ Зевсу никакого намека на бракъ Филадельфа съ его сестрою Арсиноєю, хотя этотъ несомнѣнный бракъ и могъ найти себѣ аналогію въ мифѣ о бракѣ Зевса съ Герою, заключаетъ, что самый гимнъ былъ написанъ до 266 г., когда Арсиноя стала женою своего брата. Но кто же поручится, что поэтъ вообще счелъ бы подобный намекъ умѣстнымъ въ стихотвореніи, имѣвшемъ во всякомъ случаѣ полуофициальный характеръ?

Въ виду всего этого я полагаю, что возникновеніе разсматриваемаго памятника слѣдуетъ отнести къ болѣе поздней порѣ, и есть попытки приурочить его написаніе къ 280 г. до Р. Х. Въ этомъ году Птолемей Филадельфъ освободился отъ послѣдняго изъ своихъ соперниковъ, но воспѣтъ тотчасъ же вслѣдъ за умерщвленіемъ Аргэя веселую пѣснь торжества и побѣды было неудобно: Аргэй былъ роднымъ братомъ правителя, и послѣдній, чтобы удержать на своей головѣ царскій вѣнецъ, долженъ былъ уже второй разъ омочить руки въ братской крови. Какъ ни была богата эпоха діадховъ и эпигоновъ примѣрами кровавой вражды между братьями, все же есть вещи, которыя можно до извѣстной степени объяснить и даже оправдать, но которыя никакъ нельзя вѣнчать похвалами. Къ тому же, по моему разсчету, въ 280 г. Каллимахъ еще находился въ путешествіи, изъ котораго возвратился, вѣроятно, въ первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія. Такимъ образомъ лишь послѣ 275 года, когда время успѣло нѣсколько загладить въ памяти современниковъ мрачныя стороны кровавой распри, а поэтъ нашъ мало по малу сблизился съ кругомъ лицъ, стоявшихъ у трона, и получилъ нѣкій вѣсъ и авторитетъ, какой нибудь придворный праздникъ могъ дать ему случай написать гимнъ, въ которомъ обстоятельства живой современности были искусно облечены въ форму мифа и на событія недавняго прошлаго былъ сдѣланъ осторожный намекъ. Стихотвореніе было посвящено Филадельфу, и Филадельфъ, безъ сомнѣнія, выслушалъ его и оцѣнилъ тактъ автора, сумѣвшаго трактовать скользкій сюжетъ съ искусствомъ ловкаго царедворца ¹⁸⁴).

Пойдемъ же дальше въ своихъ хронологическихъ сопоставленіяхъ.

Что, вопреки увѣренію Тзетза, Каллимахъ былъ старше Эратосеена, о томъ свидѣтельствуеъ Сvida, называющій

¹⁸⁴) Къ 285-му г. до Р. Х. относитъ зевсовъ гимнъ О. Richter op. l. p. 1 sqq. Между 280 и 275 гг. помѣщаетъ это стихотвореніе Couat (стр. 207). Герке датируетъ его 272-мъ годомъ, Зуземиль—280-мъ (Gercke Rhein. Mus. 44, стр. 257; Susemihl стр. 359).

Эратосѣена его ученикомъ ¹⁸⁵⁾. Другой его ученикъ, Аристофанъ византійскій, умершій во второй половинѣ царствованія Птолемея V Эпифана семидесяти-семилѣтнимъ старцемъ, перешелъ къ нему юношею (νέος), т. е. въ возрастѣ не ранѣе 16 лѣтъ, отъ Зенодота, у котораго учился въ дѣтствѣ (παῖς) ¹⁸⁶⁾. Всего естественнѣе предположить, что это случилось тогда, когда Зенодотъ умеръ и Каллимахъ занялъ въ музеѣ и библиотекѣ его мѣсто. Если отнесемъ смерть Аристофана приблизительно къ 147/148 ол., то начало его занятій подъ руководствомъ Каллимаха придется приурочить къ 132/133 ол., т. е. къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Филадельфа, когда нашему ученому было между 50 и 60 годами ¹⁸⁷⁾. Что

¹⁸⁵⁾ Свидя сообщаетъ намъ время рожденія Эратосѣена (126 ол.), опредѣляетъ возрастъ, котораго онъ достигъ (80 лѣтъ), слѣдовательно ео ipso устанавливаетъ и время его кончины (146 ол.) и, наконецъ, указываетъ на царствованіе Эвергета I, какъ на пору его процвѣтанія и славы (μετεμύρθη δ' ἐξ Ἀθηνῶν ὑπὸ τοῦ τρίτου Πτολεμαίου). Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы біографія этого ученаго по достовѣрности хронологическихъ опредѣленій выгодно отличалась отъ біографій другихъ александрійцевъ. Не говоря о Тзетзѣ, съ показаніями Свиды плохо мирится слѣдующее свидѣтельство Страбона: τοῦ Ζήνωνος τοῦ Κιτιέως γνώριμος γενόμενος Ἀθήνῃσι, τῶν μὲν ἐκείνου διαδεξαμένων οὐδενὸς μέμνηται [ὁ Ἐρατοσθένης] κτλ. Зенонъ умеръ около 264 г. до Р. X. Клиппель (de mus. Alex. p. 140) дѣлаетъ догадку: „Vielleicht hörte er den Zeno von Tarsus, der um 222 blühte“; но въ 222 г. Эратосѣену было уже 54 года и въ ученики онъ не годился (срв. Seemann p. 12).

¹⁸⁶⁾ Объ отношеніяхъ Аристофана къ Зенодоту и Каллимаху Свидя s. v.: μισθῆτης Καλλιμάχου καὶ Ζηνοδότου, ἀλλὰ τοῦ μὲν [sc. Καλλιμάχου] νέος, τοῦ δὲ [Ζηνοδότου] παῖς ἦκουσε. Küster (op. l.), Куа и Бушъ относятъ слова τοῦ μὲν къ Зенодоту, а τοῦ δὲ—къ Каллимаху („quorum hunc juvenis, illum vero puer audivit“,—переводитъ первый); Вейхертъ, понимая мѣсто такимъ же образомъ, допускаетъ, что Зенодотъ былъ моложе Каллимаха; Зеemannъ считаетъ свидѣтельство Свиды невѣрнымъ и не признаетъ того, что Аристофанъ могъ быть ученикомъ Зенодота. „Nam post Wolfii Nauckii-que subtilissimas de ea re disputationes nihil habet dubitationis, quin Zenodoti maxime vestigia in Homeri carminum diorthosi secutus sit Aristophanes ejusque textum suae editionis fundum habuerit. Inde vero quam facillime error iste nasci potuerit, ut et disciplina Zenodotea usus fuisse Aristophanes crederetur, quis non videt?“ (op. l. p. 10).

¹⁸⁷⁾ Годъ смерти Аристофана подлинно неизвѣстенъ, но мы знаемъ, что катастрофа, постигшая александрійскаго грамматика при концѣ его жизни и заставившая его помышлять о бѣгствѣ изъ столицы Египта, произошла тогда, когда Эвменъ II, у котораго онъ хотѣлъ искать прибіжища, уже царствовалъ, т. е.—послѣ 197 г. до Р. X. Поэтому слова Свиды (s. v.)

касается смерти Каллимаха, то, какъ извѣстно, онъ умеръ въ царствованіе Эвергета I,—притомъ, вѣроятно, не при самомъ вступленіи Эвергета на престолъ, какъ полагали напр. Меркель, Клиппель, Вейхертъ и Бушъ вслѣдствіе неправильнаго толкованія словъ Свида: *παρέτεινε μέχρι τοῦ Εὐεργέτου κληθέντος Πτολεμαίου κτλ.*, но во всякомъ случаѣ не раньше 135 ол. Для такого утвержденія мы имѣемъ главнымъ образомъ то основаніе, что извѣстная элегія Каллимаха *Βερενίκης πλόκαμος*,

βασιλεύοντος Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν τοῦ Φιλοπάτορος, несомненно, представляютъ искаженіе и должны быть исправлены приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ предложилъ Зееманнъ (р. 16), т. е.: *„βασιλεύοντος τοῦ Φιλοπάτορος καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν τοῦ Ἐπιφάνους*, на что указываетъ и предыдущее: *γέγονε δὲ κατὰ τὴν ῥηδ' Ὀλυμπιάδα*. Последнее выраженіе, разумѣется, имѣетъ въ виду время апогея славы Аристофана, и я считаю возможнымъ, что въ это время, т. е. около 144 ол., онъ уже дѣйствовалъ какъ бібліотекаръ или же, въ крайнемъ случаѣ, только что вступилъ въ должность бібліотекаря, какъ полагали еще Наукъ (*Aristoph. Byz. grammatici alex. fragmenta*. Halis. 1848. p. 4).—Допуская, что смерть знаменитаго грамматика послѣдовала между 197 и 181 г. до Р. X. (Эпифанъ царствовалъ 205—181 г.), мы должны время его рожденія искать между 274 и 258 г. Последній изъ этихъ терминовъ обыкновенно принимается, какъ самый вѣроятный. Въ самомъ дѣлѣ, если Эратосѣенъ умеръ въ 196 г. и ему наследовалъ въ завѣдываніи александрійскимъ книгохранилищемъ не Аполлоній родосскій (см. ниже прим. 189), а Аристофанъ, имѣвшій въ то время отъ роду 62 или 64 года (срв. Suid. *πρόεστη τῆς τοῦ βασιλείας βιβλιοθήκης ἔτος ἄγων ἐβ [ΒΥΕ] var. ἐδ* [прочія рси кромѣ А, которая даетъ чтеніе *ξμ*]), то смерть этого послѣдняго должна быть приурочена къ 181 г. (resp. 183 г.), а рожденіе—къ 258 г. Но эти даты во многихъ отношеніяхъ неудобны. Прежде всего онѣ дѣлаютъ необходимымъ предположеніе, что Зенодотъ умеръ чуть не столѣтнимъ старцемъ: чтобы быть учителемъ Филадельфа (род. 309 г. до Р. X.), онъ долженъ былъ быть старше его по крайней мѣрѣ олимпіады на четыре, а чтобы быть наставникомъ Аристофана, хотя бы и въ его дѣтствѣ, онъ врядъ ли могъ умереть раньше 245 г. Жизнь перваго александрійскаго бібліотекаря, стало быть, по этому расчету хронологически опредѣлялась бы такъ: род. (113) 114 ол., † 134 (135) ол. Такимъ образомъ Каллимахъ могъ занять его мѣсто лишь въ весьма преклонномъ возрастѣ,—лѣтъ 60 слишкомъ, уже въ царствованіе Эвергета, и оставаться во главѣ бібліотеки сравнительно недолго, такъ какъ, повидимому, при томъ же Эвергетѣ онъ былъ смѣненъ Эратосѣеномъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Аѳинъ (Эвергетъ † 222 г.). Между тѣмъ уже одно составленіе „Таблицъ“ (*πίνακες*), предпринятое и исполненное Каллимахомъ, какъ естественнѣе всего думать, именно въ бытность его бібліотекаремъ, требовало очень продолжительной работы, если даже допустить, что, отдавшись этому колоссальному труду, нашъ ученый уже не несъ другихъ обязанностей, связанныхъ съ достоинствомъ дѣятельнаго члена музея,—напр. обязанности преподаванія. Если Зуземиль полагаетъ, что для составленія

дошедшая до насъ въ стихотворномъ переводѣ Катулла, была написана уже послѣ похода Эвергета въ Азію и, насколько можно судить по латинской версіи, не свидѣтельствовала еще объ упадкѣ творческихъ силъ въ ея авторѣ. Что гимнъ къ Аполлону возникъ также въ царствованіе Птолемея III,—этого, какъ мы видѣли, доказать нельзя. Но у насъ есть одна эпиграмма (XXIII Schneider), въ которой Каллимахъ говоритъ о себѣ, какъ о сѣдовласомъ старцѣ, что побуждаетъ отнести его кончину скорѣе ко второй, нежели къ первой половинѣ царствованія Эвергета ¹⁸⁸).

„Таблицъ“ возможно принять приблизительно десятилѣтній срокъ времени (245—235), то я охотно продлилъ бы этотъ срокъ, ибо, какъ мы увидимъ, въ связи съ „Таблицами“ стояли и другія ученыя произведенія Каллимаха, возникшія, по всей вѣроятности, также въ періодъ его библіотекарства. Съ другой стороны относить подобныя работы, требовавшія утомительныхъ, кропотливыхъ розысканій и постоянного вниманія и поражающія насъ и теперь своимъ грандіознымъ масштабомъ, къ такой порѣ его жизни, когда должна была угаснуть и энергія, и сила прежнихъ лѣтъ, несовсѣмъ правдоподобно. Конечно, не то невѣроятно само по себѣ, что Каллимахъ принялъ отвѣтственные и сложныя обязанности библіотекаря въ Александріи и затѣялъ каталогизировать книжное собраніе Птолемея уже въ глубокой старости: Ранке началъ свою „Weltgeschichte“, когда ему пошелъ девятый десятокъ, и все таки успѣлъ окончить значительную часть этого труда; невѣроятнымъ представляется мнѣ то, что для цѣлаго ряда александрійскихъ ученыхъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга въ завѣдываніи библіотекою Лагидовъ, мы должны перемѣстить, такъ сказать, ихъ „ἀκμὴν“ съ середины на конецъ,—приурочить время лучшаго разцвѣта ихъ ученой производительности не къ зрѣлымъ лѣтамъ, а къ преклонному возрасту. Въ крайности съ такимъ nonsens'омъ приходится мириться; но, мнѣ кажется, этой крайности нѣтъ. Мы знаемъ изъ нашихъ источниковъ, что Эратосѣенъ умеръ отъ старческой немощи,—есть даже извѣстіе (у Свида), что онъ уморилъ себя голодомъ вслѣдствіе того, что лишился зрѣнія. Нѣтъ, стало быть, никакой нужды считать годъ его кончины (196 до Р. X.) годомъ вступленія Аристофана въ должность библіотекаря,—и замѣчаніе это, сдѣланное уже Ричлемъ, напрасно Зуземилъ считаетъ хитрою уверткой (künstliche Ausflucht), см. гл. XIV прим. 56: оно предоставляетъ намъ болѣе удобный выходъ изъ затрудненія, нежели произвольное допущеніе Вилламовица, будто даты, сообщаемыя Свидой въ біографіи Эратосѣена, могутъ быть ложны и для насъ необязательны. Предполагая, что Эратосѣенъ передалъ завѣдываніе библіотекою Аристофану лѣтъ за восемь до смерти, мы получаемъ возможность отнести рожденіе Аристофана къ 269/8 г., кончину его—къ 192/1 г., вступленіе Каллимаха въ должность библіотекаря и смерть Зенодота—къ 254/3 г.

¹⁸⁸) Lincke (De Callim. vita et scriptis. Halle. 1862) считаетъ предѣльнымъ годомъ жизни Каллимаха 228-й, Зеemannъ—223-й, Герке—

Со смертью Каллимаха завѣдываніе александрійскою библіотекою перешло къ Эратосѣену, котораго, по обычному толкованію древнихъ свидѣтельствъ, послѣдовательно смѣнили Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ ¹⁸⁹⁾. То была счастливѣйшая пора въ жизни этого учрежденія, и въ вѣнкѣ его славы ярко блещутъ имена этихъ первыхъ библіотекарей, такъ удачно выбранныхъ изъ числа членовъ музея и въ такой мѣрѣ связавшихъ свои интересы съ интересами того института, который былъ

222-й, Зуземиль—235-й, Куа—240-й. Слова Свида, дѣйствительно, указываютъ лишь на то, что Каллимахъ не дожилъ до воцаренія Филопатора (139,3 ол.). Попытка Герке воспользоваться нѣкоторыми эпиграммами (AR. VII 317 sqq.) для установленія новыхъ синхронизмовъ окончилась неудачею, какъ скоро признался и онъ самъ (Rhein. Mus. 42 стр. 613; срв. 44 ст. 256; прим. 2) Что касается указаній на Аполлонія родосскаго (Westerm. p. 50 sq.), Филостефана изъ Кирены (Athen. VIII p. 331 d), Гермиппа (Athen. XV p. 696 e et passim), Истра (Suid. s. v. Ἴστρος), Гераклита галикарнасскаго (Strab. XIV p. 656; срв. Callim. epigr. II) и др., какъ на учениковъ, послѣдователей или друзей Каллимаха, то изъ этихъ указаній нельзя извлечь ничего для настоящей цѣли нашей, такъ какъ за исключеніемъ Аполлонія болѣе или менѣе опредѣленно датировать дѣятельность названныхъ лицъ совершенно невозможно.

¹⁸⁹⁾ Съ недавняго времени вопросъ о томъ, кто именно наслѣдовалъ Эратосѣену, — Аполлоній или Аристофанъ, и былъ ли вообще Аполлоній въ числѣ александрійскихъ библіотекарей, сдѣлался спорнымъ. Правда, мы имѣемъ на этотъ счетъ прямые указанія въ источникахъ: Suid. διάδοχος Ἐρατοσθένους γινόμενος [sc. ὁ Ἀπολλώνιος] ἐν τῇ προστασίᾳ τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ βιβλιοθήκης; ibid. s. v. Ἀριστόνομος (Ἀριστοφάνης) προέστη τῆς τοῦ βασιλέως βιβλιοθήκης μετ' Ἀπολλώνιον; Westerm. p. 51,9: τινὲς δὲ φασιν ὅτι ἐπανήλθεν εἰς Ἀλεξανδρείαν καὶ αὖτις ἐκείσε ἐπιθεζάμενος εἰς ἄχρον εὐδοκίμησε, ὡς καὶ τῶν βιβλιοθηκῶν τοῦ Μουσείου ἀξιωθῆναι αὐτόν. Но достоинство этихъ свидѣтельствъ подверглось основательному подозрѣнію (Busch p. 40 sq.; Susemihl Griech.-alex. Litt.-Gesch. гл. XIV прим. 56; Gercke Rh. Mus. 44 стр. 256), и я считалъ бы себя вправѣ вовсе исключить изъ списка это сомнительное имя, еслибы, на мой взглядъ, не заслуживало нѣкоторой доли вѣроятія предположеніе, что Аполлоній могъ состоять при библіотекѣ въ качествѣ ассистента или помощника Аристофана, своего соученика. Приведенныя мѣста, за исключеніемъ перваго, вообще представляютъ немало критическихъ затрудненій. Это—довольно неряшливо составленные эскизныя, притомъ подвергшіеся при перепискѣ очевидной порчѣ. Слова „μετ' Ἀπολλώνιον“ допускаютъ легкую поправку „μετ' Ἀπολλωνίου“. Выраженіе „τῶν βιβλιοθηκῶν—ἀξιωθῆναι“ необыкновенно и должно быть дополнено словами τοῦ μετέχειν или τῆς προστασίας. Во всякомъ случаѣ нельзя считать порядокъ преемства въ завѣдываніи александрійскою библіотекою твердо установленнымъ.

ввѣренъ ихъ попеченіямъ. Историко-литературныя занятія, начавшіяся въ Греціи задолго до сего, только теперь могли быть обставлены всѣми потребными для нихъ средствами и пособіями; но такія средства и пособія, какія представляло богатѣйшее книгохранилище Птолемеевъ, все таки оставались бы мертвымъ капиталомъ, если бы не нашлись лица, столь самоотверженно преданныя дѣлу изученія литературныхъ преданій греческаго народа, какъ были ему преданы Зенодотъ, Каллимахъ и ихъ ближайшіе преемники. Это были не только серьезные ученые, одушевленные жаждой знанія, но и тонкіе литературные критики, восторженные любители поэзіи, подчасъ и сами не чуждые поэтическихъ вдохновеній и тѣмъ болѣе способные свое увлеченіе предметомъ сообщать и ученикамъ, явившимся впослѣдствіи ихъ продолжателями и вѣрными послѣдователями. Первымъ александрійскимъ библіотекарямъ съ самаго начала предлежала черная и неблагодарная работа медленнаго и кропотливаго упорядоченія и постепеннаго очищенія птолемеева книгохранилища, и они не остановились передъ нею. Они постарались разобрать въ нестройной, хаотической массѣ рукописей, отовсюду собранныхъ повелителями Египта, и послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ неутомимыхъ усилій успѣли извлечь изъ этихъ рукописей съ рѣдкою полнотою и обстоятельностью обильный матеріалъ для систематической исторіи греческой литературы.

Каллимаховы „*Πίνακες*“ до извѣстной степени выразили собою итогъ этой предварительной работы. Въ то же время они послужили точкою отправленія для дальнѣйшихъ частныхъ изысканій въ той же области.

Чтобы понять весь смыслъ, все значеніе этого монументальнаго труда, а равно и оцѣнить по достоинству работу Зенодота и его сподвижниковъ, уже, быть можетъ, при Сотерѣ принявшихъ за критическую провѣрку новыхъ приобрѣтеній правителя по части книгъ, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ состояніи, въ которомъ тогда находились обращающіеся на книжномъ рынкѣ рукописи.

Мы видѣли, какъ постепенно развивалась въ Греціи книжная торговля и увеличивался спросъ на книги. Правда, намъ совершенно недостаетъ въ этомъ отношеніи точныхъ статистическихъ данныхъ, недостаетъ цифръ, съ помощью которыхъ можно было бы съ большею или меньшею наглядностью выразить quantum ¹⁹⁰⁾; но несомнѣнно, что уже въ до-александрійскій періодъ существовали прототипы тѣхъ рьяныхъ книгособирателей, надъ которыми впоследствии издѣвались Лукіанъ, Сенека, Петроній. Нѣкоторые имена мы называли въ первой главѣ, и если списокъ этихъ именъ оказался не длиннымъ, то виною тому, разумѣется, лишь отрывочность древнихъ свидѣтельствъ. Въ третьемъ столѣтіи до Р. Х. любовь къ приобрѣтенію книгъ приняла какъ бы эпидемическій характеръ. Примѣръ Птолемеевъ вызвалъ подражаніе въ Пергамѣ, Антіохіи, Пеллѣ, Сиракузахъ и прочихъ центрахъ политической власти, матеріальнаго благосостоянія и духовныхъ интересовъ. Правители и магнаты непрерывно создавали библіотеки, и ихъ соревнованіе сообщило этому дѣлу всѣ свойства азартной игры. Если въ римскія времена патриціи и разбогатѣвшіе выскочки нагромождали у себя въ домахъ цѣлыя горы книгъ, наполняли ими особые отдѣленія въ баняхъ, снабжали библіотеками свои загородныя помѣстья и виллы, то и греки александрійскаго періода не уступали имъ, и съ какимъ нибудь Италикомъ или Трималхіемъ могъ смѣло поспорить напр. Геронъ II, тиранъ сиракузскій, снабдившій даже свою знаменитую галеру кабинетомъ и библіотекою ¹⁹¹⁾.

Нетрудно уразумѣть, что лихорадочная погоня за книжными приобрѣтеніями должна была повліять и на фабрикацію рукописей. Лица, занимавшіяся послѣднею, усилили свое

¹⁹⁰⁾ Для императорскихъ временъ имѣются такія цифры: Suid. s. v. Ἐπαφρόδιτος; Martial. 14, 190; Capitol. Gord. 18,2 (цит. Birt Buchwesen стр. 361).

¹⁹¹⁾ Athen. V. p. 207 ε τοῦτου δ' ἐφεξῆς σχολαστήριον ὑπῆρχε πεντάκλινον, ἐξ πύξου τοὺς τοίχους καὶ τὰ θύραματα κατεσκευασμένον, βιβλιοθήκην ἔχον ἐν αὐτῷ. Въ изготовленіи корабля, интересное описаніе котораго занимаетъ у Аеенея главы 40—43 пятой книги, принималъ участіе Архимедъ.

производство пропорціонально спросу. Но такое усиленіе необходимо повлекло за собою качественное ухудшеніе товара. Иного невозможно было и ожидать при тѣхъ средствахъ воспроизведенія текстовъ во многихъ экземплярахъ, какими располагала древность. Биртъ въ своемъ классическомъ трудѣ «О книжномъ дѣлѣ въ древности» посвятилъ нѣсколько ученыхъ страницъ вопросу объ изданіи древними авторами своихъ сочиненій въ свѣтъ (гл. седьмая), но при этомъ почти исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на Римѣ временъ конца республики и императорскихъ, какъ бы игнорируя Грецію. Что касается этой послѣдней, то для нея мы дѣйствительно располагаемъ болѣе скуднымъ матеріаломъ, но аналогія того же Рима, питавшагося, какъ извѣстно, въ области духовной культуры греческими традиціями и подражавшаго греческимъ примѣрамъ, можетъ, конечно, въ значительной мѣрѣ вознаградить за недостатокъ прямыхъ свидѣтельствъ и дать намъ основаніе для нѣкоторыхъ вполнѣ вѣроятныхъ предположеній. Такъ, во-первыхъ, мы знаемъ о существованіи въ Римѣ цѣлаго класса обученныхъ рабовъ, такъ назыв. *librarii*, которые употреблялись въ качествѣ чтецовъ, переписчиковъ, домовыхъ секретарей и смотрителей при частныхъ библіотекахъ. У издателей, подобныхъ Атику или знаменитымъ Созіямъ, цѣлая сотня такихъ «*librarii*» занимались подѣ диктатъ изготовленіемъ копій съ предназначаемаго къ выпуску въ свѣтъ сочиненія, и сочиненіе это сразу поступало въ продажу въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Было ли это также и въ Греціи, или тамъ практиковался какой нибудь иной способъ изданія? Источники объ этомъ молчатъ, и потому Беккеръ утверждалъ, что въ греческомъ обиходѣ римскіе *librarii* не имѣли эквивалента, такъ какъ у грека въ домѣ рабы употреблялись лишь ради матеріальныхъ цѣлей ¹⁹²⁾. Тѣмъ

¹⁹²⁾ „Noch weniger lässt sich an abschreibende Sklaven, wie etwa die librarii in einer römischen Familie, denken; denn diese Klasse wissenschaftlich gebildeter Diener fehlt in dem griechischen Hause, wo alle Sklaven nur zu materiellen Zwecken verwendet werden, gänzlich“. Becker Charikl. II, стр. 166.

не менѣе такое утверждение по меньшей мѣрѣ нуждается въ ограниченіи, если не должно быть признано совершенно невѣрнымъ. Мы, напр., знаемъ положительно, что аѳинское государство содержало извѣстный штатъ обученныхъ рабовъ, служившихъ писцами и счетоводами въ канцеляріяхъ высшихъ военныхъ и финансовыхъ магистратовъ ¹⁹³). Въ платоновскомъ діалогѣ «Θεαίτητος» Эвклидъ въ присутствіи Терпіона приказываетъ своему рабу прочитать вслухъ записанный имъ самимъ разговоръ Сократа съ математикомъ Θεαίτηтомъ. Такіе чтецы изъ рабовъ позднѣе, въ Римѣ, носили греческое названіе «*anagnostae*»,—вѣрный признакъ того, что и повелись они изъ Греціи ¹⁹⁴). Но, если были въ греческомъ домѣ рабы-чтецы, — а у Платона, очевидно, представлена въ указанномъ мѣстѣ не какая либо рѣдкая и исключительная, а напротивъ обыденная бытовая черта, — то почему бы не быть и рабамъ-писцамъ? Или, точнѣе, почему бы тѣ же чтецы не могли по указанію надобности отправлять и обязанности писцевъ? Почему бы Кефисофонтъ, слуга Эврипида, помогавшій своему господину въ его занятіяхъ ¹⁹⁵), долженъ былъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ? Почему бы съ развитіемъ литературной дѣятельности и съ расширеніемъ книготорговли нѣкоторые изъ сбродныхъ рабовъ (такъ наз. *χωρίς οἰκοῦντες*), имѣвшіе къ тому способности и надлежащую подготовку, не могли заниматься изготовленіемъ манускриптовъ съ коммерческими цѣлями или поставлять рукописи на заказъ частнымъ лицамъ или книгопродавцамъ? Почему бы, наконецъ, богатая книгопродавческія фирмы, — а таковыя, безъ сомнѣнія, появились уже въ домакедонскій періодъ греческой исторіи ¹⁹⁶), — не могли при-

¹⁹³) Schol. ad Demosth. Olynth. II, 19. (См. прим. 148).

¹⁹⁴) Corn. Nep. vit. Att. c. 13. in ea (sc. familia) erant pueri litteratissimi, anagnostae optimi et plurimi librarii. [Названію „*librarius*“ соответствуютъ по-гречески *γραμματεὺς* (срв. Plut. de nobil. 20) или *βιβλιογράφος*].

¹⁹⁵) Объ отношеніяхъ Эврипида къ Кефисофонту см. Aristoph. Ran. 1452 сл.; Acharn. 400 сл.

¹⁹⁶) На аѳинскомъ рынкѣ для книжныхъ лавокъ было отведено особое мѣсто. Срв. Pollux IX, 47. У Никофонта, одного изъ представителей

бѣгать къ дешевому труду вышколенныхъ рабовъ для списыванія сочиненій, прибрѣтенныхъ отъ авторовъ съ цѣлью изданія? Правда, въ самомъ началѣ книжнаго дѣла въ Греціи, пока книга была предметомъ роскоши и достояніемъ немногихъ, порядокъ изданія былъ нѣсколько иной. Издателей въ нашемъ смыслѣ слова не существовало. Друзья автора или его ученики получали отъ него собственноручно изготовленный имъ списокъ сочиненія (ἀρχέτυπον) и снимали также собственноручно коші (ἀπόγραφα). Сочиненіе распространялось туго, въ тѣсномъ кругу болѣе или менѣе близкихъ къ автору лицъ,—такъ сказать, приватно, и лишь съ теченіемъ времени прибрѣтало общую извѣстность,—если только, конечно, прибрѣтало. Но, по мѣрѣ роста духовныхъ силъ народа, книга мало по малу становилась предметомъ насущной потребности, и вотъ, какъ таковому, въ большихъ городахъ ей начали отводить мѣсто на рынкѣ. Разумѣется, торговля сперва шла тихо, и книгопродавецъ легко могъ быть вмѣстѣ и переписчикомъ. У него былъ вмѣстѣ и складъ рукописей, новыхъ и старыхъ, иногда перекупленныхъ уже изъ десятихъ рукъ, и мастерская для изготовленія манускриптовъ по заказу и въ запасъ. Когда же наступило такое время, что единоличный трудъ не въ состояніи уже былъ удовлетворить спросу, то купецъ, желавшій производить операции на большія суммы, необходимо долженъ былъ держать у себя опредѣленный штатъ переписчиковъ и переплетчиковъ. Мало того, не довольствуясь возможностью прибрѣсти любую рукопись въ книжной лавкѣ, отличавшейся, впрочемъ, подобно нашимъ антикварнымъ магазинамъ, всегда болѣе или менѣе случайнымъ составомъ, многіе частные люди запасались и сами живою писчею машиною на подобіе римскихъ librariевъ. Въ этомъ, конечно, ближе всего были заинтересованы напр. философы, ученые, риторы, литера-

старой комедіи, книготорговцы (βιβλιοπώλαι) упоминаются наряду съ продавцами сардинокъ, грушъ, фигъ, выдѣланныхъ кожъ, муки, ложекъ, ситъ и т. п., концы магазины располагались на торговой площади (Athen. III, 126 e).

торы, — словомъ, лица, посвятившія себя умственному труду. Последнее лучше всего подтверждается однимъ драгоценнымъ свидѣтельствомъ, которое сохранилось какъ бы нарочно для того, чтобы мы имѣли основаніе вѣрить, что все сейчасъ изложенное не романъ, не фикція, не плодъ произвольной комбинаціи разнаго рода вѣроятностей, а подлинная исторія. Свидѣтельство, о которомъ я говорю, находится у Діогена лаэртскаго. Этотъ авторъ сообщаетъ, будто, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Персэй, ученикъ Зенона, былъ однимъ изъ рабовъ философа, присланныхъ къ нему Антигономъ изъ Македоніи для переписки книгъ ¹⁹⁷⁾. Положимъ, что это неправда, — текстъ Діогена все же оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что такіе рабы у Зенона были и что ихъ было нѣсколько. Они, повидимому, должны были помогать ему при пополненіи обширной его библіотеки, начало которой положено было уже отцомъ философа, когда самъ онъ еще не вышелъ изъ ребяческихъ лѣтъ ¹⁹⁸⁾. Мы не боимся также предположить, что извѣстнымъ штатомъ рабовъ-переписчиковъ располагалъ и Гарпаль, состоявшій одно время чѣмъ-то вродѣ поставщика рукописей при Александрѣ Македонскомъ ¹⁹⁹⁾, и что вообще подобный штатъ былъ безусловно необходимъ для каждаго библіофила, каковыхъ было немало въ Греціи въ періодъ, непосредственно предшествовавшій александринизму.

Тѣмъ не менѣе, допуская существованіе позднѣйшихъ librari'евъ на греческой почвѣ, мнѣ кажется, было бы оши-

¹⁹⁷⁾ Diog. L. VII, 36: μαθηται δὲ Ζήνωνος πολλοὶ μὲν, ἑνδοξοὶ δὲ, Περσαῖος Δημητρίου Κιτιεύς, ὃν οἱ μὲν γινώσκουσιν αὐτοῦ, οἱ δὲ οὐδέτιν ἓνα τῶν εἰς βιβλιογραφίαν πεμπομένων αὐτῷ παρὰ Ἀντιγόνου.

¹⁹⁸⁾ Diog. L. VII, 31: φησὶ δὲ Δημήτριος ὁ Μάγνης ἐν τοῖς ὁμωνύμοις, τὸν πατέρα αὐτοῦ Μνασίαν πολλάκις ἄτε ἔμπορον Ἀθήναζε παραγίνεσθαι καὶ πολλὰ τῶν Σωκρατικῶν βιβλίων ἀποφέρειν ἔτι παιδὶ ὄντι τῷ Ζήνωνι.

¹⁹⁹⁾ Plut. Alex. 8: τῶν δ' ἄλλων βιβλίων οὐκ εὐπορῶν ἐν τοῖς ἄνω τόποις Ἀρπαλὸν ἐκέλευσε πέμψαι, κακῆτος ἔπεμψεν αὐτῷ τὰς τε Φιλίστου βιβλούς καὶ τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους καὶ Αἰσχύλου τραγωιδῶν συγγὰς καὶ Τελέστου καὶ Φιλοξένου διδυράμβους. Шмитцъ у.к. соч. стр. 47 сл. разъясняетъ, что пересылка книгъ, о которой здѣсь говорится, происходила въ то время, когда Гарпаль находился подъ опалой у Филиппа и проживалъ въ Аѳинахъ и что подъ οἱ ἄνω τόποι слѣдуетъ разумѣть Македонію.

бочно думать, что классъ этотъ былъ и въ Греціи также многочисленъ, какъ въ Римѣ. Можно положительно утверждать, что такихъ большихъ изданій, какія предпринимались въ римскія времена, когда случалось, что книга выходила сразу въ 1000 экземпляровъ и даже болѣе, греческая практика книжнаго дѣла не знала. Книги были все еще слишкомъ дороги для того, чтобы издатель могъ рассчитывать на скорый сбытъ столь большого количества списковъ. Притомъ и книжныхъ рынковъ, которые бы могли равномерно способствовать распространенію новыхъ сочиненій въ различныхъ районахъ, первоначально было немного ²⁰⁰⁾. Этимъ главнымъ образомъ, а не трудностью и объемистостью, слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что во времена Зенона лица, желавшія познакомиться съ твореніями Платона, принуждены были обращаться за ними къ немногимъ собственникамъ этихъ твореній и за право прочтенія уплачивать известную сумму денегъ ²⁰¹⁾. Если же напротивъ сочиненія Демокрита достигли такой распространенности, что въ платоновъ время уже не представлялось возможнымъ скупить ихъ ²⁰²⁾, то, по всей вѣроятности, они были нѣсколько разъ переизданы; впрочемъ, уже самая затѣя Платона скупить полностью все изданіе демокритовыхъ сочиненій съ цѣлью ихъ уничтоженія свидѣлствуетъ о томъ, что количество экземпляровъ, выпускавшихся въ продажу, первоначально не могло быть значительно. За то съ возникновеніемъ великихъ библіотекъ въ Александріи и Пергамѣ

²⁰⁰⁾ Мы видѣли, что средоточіями книжной торговли въ до-александрійское время были Аѣнны и Родосъ. Болѣе стройная организація этого дѣла, о которой напр. говоритъ Либаній (I p. 78 Reisk.), создавалась долго и постепенно, вырабатывалась вѣками постоянной практики и была еще чужда тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

²⁰¹⁾ Diog. L. III, 66: ἅπερ (разумѣются платоновы сочиненія), ὡς Ἀντίγονός φησιν ὁ Καρύστιος ἐν τῷ περὶ Ζήνωνος, νεοστὶ ἐκδοθέντα εἰ τις ἤθελεν ἀναγνῶναι μισθὸν ἐτέλει τοῖς κειτημένοις.

²⁰²⁾ Diog. L. IX, 40: Ἀριστόξενος δ' ἐν τοῖς ἱστορικοῖς ὑπομνήμασι φησὶ Πλάτωνα θελήσαι συμπλέξαι τὰ Δημοκρίτου συγγράμματα, ὅποσα ἠδυνήθη συναγαγεῖν. Ἀνύκταν δὲ καὶ Κλεινίαν τοὺς Πυθαγορικοὺς κολλῶσαι αὐτὸν ὡς οὐδὲν ὄφελος. παρὰ πολλοῖς γὰρ εἶναι τὰ βιβλία ἤδη.

число рабовъ-переписчиковъ должно было возрасти до большихъ размѣровъ, и производство рукописей, какъ сказано, неизмѣнно усилилось.

Придаютъ обыкновенно очень большой вѣсъ намѣреннымъ обманамъ, коимъ подвергались со стороны недобросовѣстныхъ торговцевъ ревностные книгособратели двухъ названныхъ городовъ; обманы—обманами, но было много и другаго, что могло затруднять грамматиковъ, занимавшихся при дворахъ Птолемеевъ и Атталидовъ проверкою вновь купленныхъ манускриптовъ, и способно было сообщить ихъ работѣ высокую цѣну и огромное историко-литературное значеніе. Не надобно, во первыхъ, забывать, что большая часть обращавшихся въ продажѣ списковъ изготовлялась ремесленно и отличалась недоброкачествомъ. Рѣдки бывали такіе надежные писцы, какимъ судьба надѣлила напр. Демокрита²⁰³). Въ большинствѣ случаевъ это былъ народъ малосвѣдущій, относившійся къ своему дѣлу довольно небрежно и вносившій въ тексты массу крупныхъ и мелкихъ ошибокъ и описокъ, —особенно тогда, когда копированіе производилось одновременно многими лицами подъ диктатъ. Жалобы на неисправность рукописей идутъ черезъ всю древность. Я даже не буду доказывать этого цитатами, такъ какъ цитаты въ полномъ сборѣ читатель можетъ найти въ любомъ сочиненіи по данному вопросу. Если Лукіанъ обзываетъ книгопродавцевъ своего времени варварами по языку и круглыми невѣждами по познаніямъ (βάρβαροι μὲν τὴν φωνήν, ἄξύνετοι δὲ τῇ γνώσει), то нѣтъ основанія думать, что въ болѣе древнее время этотъ классъ промышленниковъ отличался болѣе высокимъ уровнемъ образованія. Еще менѣе права имѣемъ мы надѣлять высшимъ образовательнымъ цензомъ подневольныхъ переписчиковъ, работавшихъ по приказанію своихъ господъ надъ изготовленіемъ списковъ. Оттого уже довольно рано установилось обыкновеніе, прежде чѣмъ пріобрѣсти ту

²⁰³) Athen. VIII p. 354 c.: ἐν δὲ τῇ αὐτῇ ἐπιστολῇ ὁ Ἐπίκουρος καὶ Πρωταγόραν φησὶ τὸν σοφιστὴν ἐκ φορμοφόρου καὶ ξυλοφόρου πρῶτον μὲν γενέσθαι γραφέα Δημοκρίτου.

или другую рукопись, отдавать ее на разсмотрѣніе специалистовъ книжнаго дѣла, которымъ поручалось опредѣлить ея годность и выправить погрѣшности текста. Но и эта мѣра въ свою очередь была небезопасна: произведенія, успѣвшія уже въ значительной степени пострадать отъ небрежности и невѣжества списателей, страдали еще и отъ произвола корректоровъ.

Однимъ изъ ближайшихъ неблагопріятныхъ для историка литературы послѣдствій такого порядка было умноженіе числа безыменныхъ сочиненій, — *ὑπομνήματα ἀδέσποτα*. Пока не развился въ греческой публикѣ интересъ къ историческому изученію родной литературы, вопросъ объ авторствѣ для нея былъ безразличенъ: грека не столько занимала личность автора и тѣ внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ возникло то или другое литературное произведеніе, сколько самое произведеніе. Оттого для зауряднаго покупателя представляло мало интереса, чье имя стояло въ заголовкѣ той рукописи, на которой остановился въ книжной лавкѣ его выборъ: достаточно того, что книгопродавецъ прочиталъ ему изъ нея нѣсколько выдержекъ, и содержаніе ея оказалось заманчивымъ ²⁰⁴). Между тѣмъ имя, выставленное въ началѣ или въ концѣ свертка, а равно и на прикрѣпленной къ нему полосѣ пергамента (*σίλλυρος*), легко подвергалось опасности мало по малу быть стертымъ до неузнаваемости либо же и вовсе исчезнуть, такъ какъ именно эти части книги скорѣе всего уступали разрушительнымъ вліяніямъ времени и небрежнаго обращенія. Вмѣстѣ съ именемъ страдало и названіе сочиненія, зачастую восстанавливаемое при перепискѣ невѣрно, по памяти или по догадкѣ. Такимъ образомъ къ числу обращавшихся уже въ публикѣ анонимныхъ сочиненій присоединялось въ силу чисто случайныхъ причинъ много новыхъ либо вовсе безъ имени автора, либо съ сомнительнымъ его обозначе-

²⁰⁴) По поводу обыкновенія книгопродавцевъ читать своимъ посетителямъ вслухъ мѣста изъ книгъ, только что поступившихъ въ продажу, см. Becker II стр. 174 слл.

ніемъ ²⁰⁵). Еще чаще одно и тоже сочиненіе приписывалось различнымъ авторамъ или носило нѣсколько различныхъ заглавій. Впослѣдствіи все это доставляло немало хлопотъ изслѣдователямъ, а отчасти не перестаетъ доставлять и понынѣ. Соберемъ здѣсь ради примѣра нѣсколько относящихся къ этой категоріи древнихъ свидѣтельствъ.

1. Въ аристофановыхъ схоліяхъ Plut. 385 значится: Πάμφιλον μὲν Καλλίστρατος καὶ Εὐφρόνιος τραγωδιῶν ποιητὴν φασὶ καὶ διδάξει Ἑρακλείδας. Τὰ δὲ λίαν ἐπιτετηδευμένα ὑπομνήματα διστάζει, πότερος ποιητῆς (ᾗν) ἢ ζωγράφος, ὃν καθηγγήσασθαι φασιν Ἀπελλοῦ. Ἐν μέντοι ταῖς διδασκαλίαις πρὸ τούτων τῶν χρόνων Πάμφιλος οὐδεὶς φέρεται τραγικός. Γραφὴ μέντοι ἐστὶν οἱ Ἑρακλεῖδαι καὶ Ἀλκμήνη καὶ Ἑρακλέους θυγάτηρ Ἀθηναίους δεδιότες, ᾗτις Παμφίλου οὐκ ἔστιν, ὥς φασιν, ἀλλ' Ἀπολλοδώρου. Ὁ δὲ Πάμφιλος ὡς ἔοικε καὶ νεώτερος ᾗν Ἀριστοφάνους. Эти слова схоліаста, очевидно, представляютъ собою результатъ историко-литературнаго изслѣдованія по вопросу о подлинномъ авторѣ драмы, перешедшей въ силу случайныхъ причинъ въ разрядъ произведеній, не помнящихъ родства. Какую зыбкую почву при этомъ имѣлъ подъ собою изслѣдователь, принужденный руководствоваться преданіемъ, явствуетъ изъ выраженій ὥς φασιν, ὡς ἔοικε ²⁰⁶).

2. Тамъ же Nub. 967. Παλλάδα. Ἀρχὴ ἄσματος Φρυνίχου. Ὡς [δὲ Bergk] Ἑρατοσθένης φησὶ, Φρύνιχος [δὲ] αὐτοῦ (leg. αὐτὸς) τούτου τοῦ ἄσματος μνημονεύει ὡς Λαμπροκλέους ὄντος. (ἔχει δὲ οὕτως Strecker) Παλλάδα περσέπολιν κτλ. Bergk Poët. Lyr. III⁴ p. 555, пользуясь другою версіею схоліа, признавалъ Фриниха авторомъ одной части стихотворенія, Лампрокла же авторомъ другой его части. Но см. Strecker

²⁰⁵) Уппекамъ (стр. 82) видитъ указаніе на „levitas veterum in libris inscribendis“ въ словахъ Діогена лаэртскаго X, 26, которыя цитуетъ такъ: γέγραπται μαρτύριον ἔξωθεν ἐν αὐτοῖς (рѣчь идетъ о книгахъ Эпикура) οὐδέν. ἀλλ' αὐταὶ εἰσὶν Ἑπικούρου φωναί. Но въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ читать μαρτύριον (вм. μαρτόριον) и αὐτοῦ (вм. αὐται), каковыя измѣненія существенно измѣняютъ и самый смыслъ приведенныхъ словъ.

²⁰⁶) Свидѣ s. v. διοίσειν остается на сторонѣ Каллистрата и Эвфронія: οὗτος (sc. ὁ Πάμφιλος) τραγωδοποιὸς ἐγένετο καὶ ἔγραψε τὰ συμβάντα τοῖς Ἑρακλεΐδαις. См. Brunn Gesch. d. griech. Künstler II стр. 132.

De Lycophrone Euphronio Eratosthene comicorum interpretibus (Griphisd. 1884. diss.), p. 60.

3. Athen. II p. 70 a: Ἐκαταῖος δ' ὁ Μιλήσιος ἐν Ἀσίᾳ περιηγήσει, εἰ γνήσιον τοῦ συγγραφέως τὸ βιβλίον. Καλλίμαχος γὰρ Νησιώτου αὐτὸ ἀναγράφει· ὅστις οὖν ἐστὶν ὁ ποιήσας, λέγει οὕτως κτλ. Подобнымъ же угловчивымъ образомъ выражается Аѳеней и въ другихъ случаяхъ: IV p. 137 e—ὁ δὲ τοὺς εἰς Χιωνίδην ἀναφερομένους Πτωχοὺς ποιήσας κтл.; V p. 219 bc.—Ἀσπασία μέντοι ἡ σοφῇ—ἐν τοῖς φερομένοις ὡς αὐτῆς ἔπεσιν κтл.; p. 334 bc—ὁ τὰ Κύπρια ποιήσας ἔπη, εἴτε Κύπριός τις ἐστὶν ἢ Σταῖνος ἢ ὅστις δὴ ποτε χαίρει ὀνομαζόμενος и проч.

Сомнительнымъ легко могло сдѣлаться имя подлиннаго автора особенно тогда, если существовало нѣсколько одноименныхъ представителей одного и того же рода литературной дѣятельности или сходныхъ родовъ ея, причемъ въ лучшемъ случаѣ они отличались другъ отъ друга лишь по имени отца да по мѣсту происхожденія. Такъ напр.:

4. Suid. s. v. Κορίννα, Ἀχελωοδώρου καὶ Προκρατίας, Θηβαία ἢ Ταναγραία, μαθήτρια Μύρτιδος, ἐπωνόμαστο δὲ Μυῖα· λυρική.—Κορίννα Θεσπία, λυρική. οἱ δὲ Κορινθίαν εἰρήκασι. νομοὺς λυρικοὺς ²⁰⁷⁾.—Κορίννα νεωτέρα, Θηβαία, λυρική, ἢ καὶ Μυῖα κληθεῖσα. Срв. тамъ же сл. Μυῖα Σπαρτιάτις, ποιήτρια. ὕμνους εἰς Ἀπόλλωνα καὶ Ἄρτεμιν. Такимъ же образомъ были извѣстны два Антимаха (эпики), пять Орфеевъ (также), два Меланнипида (лирики), три Софокла (трагики), четыре Ксенофонта (историки) и проч. (срв. соотв. мѣста у Свида).

Путаница, вносимая такою одноименностью авторовъ въ исторію литературы, была настолько велика, что въ послѣднее до-христіанское столѣтіе явилась даже попытка пособить горю путемъ особаго, спеціальнаго розысканія объ одноименныхъ писателяхъ. Современникъ Цицерона, грамматикъ Деметрій изъ Магнезіи, предпринималъ обширную критическую работу περὶ ὁμωνύμων ποιητῶν καὶ συγγραφέων, изъ которой между прочимъ большой отрывокъ сохранилъ намъ Діонисій галикарнасскій (De Din. I). Примѣру Деметрія по-

²⁰⁷⁾ См. однако примѣчаніе Бернгарди къ этому мѣсту.

слѣдовали, повидимому, и другіе. По крайней мѣрѣ Свида ссылается на нѣкоего Агресфонта, разрабатывавшаго ту же тему (ὡς Ἀγρέσφων ἐν τῷ περὶ ὁμωνύμων. Suid. s. v. Ἀπολλώνιος).

5. Но, если была опасность смѣшать произведенія различныхъ писателей вслѣдствіе того, что ихъ имена звучали одинаково, то ошибочныя обозначенія родины и отеческаго имени могли дать поводъ труды одного автора почесть принадлежащими двумъ различнымъ писателямъ—одноименникамъ. Неисчислимы свидѣтельства древности, въ коихъ уцѣлѣли слѣды такихъ разногласящихъ обозначеній. Раскройте словарь Свида, и вы найдете примѣры чуть не на каждой страницѣ: Θεόπομπος Θεοδέκτου ἢ Θεοδώρου; Ἐπίχαρμος Τιτύρου ἢ Χιμάρου; Ἴβυκος Φυτίου, οἱ δὲ Πολυζήλου,—οἱ δὲ Κέρδαντος; Ἀνακρέων, Σχυθίνου υἱός, οἱ δ' Εὐμήλου, οἱ δὲ Παρθενίου, οἱ δ' Ἀριστοκρίτου; Σαπφὼ Σίμωνος, οἱ δ' Εὐνομίου, οἱ δ' Ἐριγυίου, οἱ δ' Ἐκρύτου, οἱ δὲ Σήμου, οἱ δὲ Σχάμωνος, οἱ δ' Ἐτάρχου, οἱ δὲ Σκαμανδρωνύμου; Χοίριλος Σάμιος, τινὲς δ' Ἰασέα, ἄλλοι δ' Ἀλικαρνασσεά ἱστοροῦσι; Ὡλὴν Δυμαῖος ἢ Ὑπερβόρειος ἢ Λύκιος; Στησίχορος... πόλεως Ἰμέρας τῆς Σικελίας (καλεῖται γοῦν Ἰμεραῖος), οἱ δ' ἀπὸ Ματαυρίας τῆς ἐν Ἰταλίᾳ, οἱ δ' ἀπὸ Παλλαντίου τῆς Ἀρκαδίας φυγόντα αὐτὸν ἐλθεῖν φασιν εἰς Κατάνην κακεῖ τελευτῆσαι καὶ ταφῆναι πρὸ τῆς πύλης, ἥτις ἐξ αὐτοῦ Στησιχόρειος προσηγόρευται. [Съ послѣднимъ срв. и другія мѣста, гдѣ рядомъ съ наименованіемъ родины писателя обозначено и позднѣйшее его мѣстопробываніе, напр. Ἀρίσταρχος Ἀλεξανδρεὺς θέσει, τῇ δὲ φύσει Σαμοθράξ; Ἀπολλώνιος Ἀλεξανδρεὺς,—διατρίψας ἐν Ρόδῳ (auctor vitae I прибавляетъ: διὸ καὶ Ρόδιον ἑαυτὸν ἐν τοῖς ποιήμασιν ἀναγράφει); Athen. VI, p. 252 e Ποσειδώνιος ὁ Ἀπαμεύς, ὕστερον δὲ Ρόδιος χρηματίσας и т. п.] ²⁰⁸⁾.

²⁰⁸⁾ Иногда стремленіе по догадкѣ восполнить недостающее или сомнительное обозначеніе родины писателя, съ теченіемъ времени позабытой, приводило къ довольно сложнымъ комбинаціямъ. Такъ напр. Левкиппъ, слывшій ученикомъ элеатовъ и принадлежавшій къ послѣдователямъ пилзоиствова, былъ, по указанію однихъ, родомъ изъ Элен, по другимъ—изъ Милета; а какъ Демокритъ былъ его ученикомъ, то и онъ нѣкоторыми считался милетцемъ. Наоборотъ тѣ, которые выводили Демокрита изъ Абдеры, дѣлали его учителя Левкиппа также абдеритомъ. Существо-

6. Произволъ въ обозначеніи заглавія былъ еще больше. Одно и тоже произведение зачастую именовалось различно: Athen. I p. 4 e—ὅτι Ἀρχέστρατος ὁ Συρακούσιος ἢ Γελῶς ἐν τῇ, ὡς Χρύσιππος, ἐπιγραφομένῃ Γαστρονομίᾳ, ὡς δὲ Λυγκεὺς καὶ Καλλίμαχος, Ἦδυπαθεῖα, ὡς δὲ Κλέαρχος, Δειπνολογία, ὡς δ' ἄλλοι, Ὀφιοποιία, ἐπικὸν δὲ τὸ ποίημα κτλ. [срв. Athen. VII p. 278 a: ὁ δὲ Ὀφιοδαίδαλος Ἀρχέστρατος ἐν τῇ Γαστρολογίᾳ, οὕτως γὰρ ἐπιγράφεσθαι φησι Λυκόφρων ἐν τοῖς περὶ κωμῳδίας, ὡς τὴν Κλεοστράτου τοῦ Τενεδίου Γαστρολογίαν κтл]. Иныя сочиненія самими авторами обозначались двояко. Такъ Платонъ на своихъ діалогахъ выставялъ обыкновенно два названія, — τὴν μὲν ἀπὸ τοῦ ὀνόματος, τὴν δὲ ἀπὸ τοῦ πράγματος (Thrasyll. ap. Diog. L. III 57). Впослѣдствіи попытка объяснить подобныя параллельныя заглавія приводила къ довольно курьезнымъ заключеніямъ вродѣ слѣдующаго: arg. Theocr. I περὶ τῆς ἐπιγραφῆς τοῦ παρόντος εἰδυλλίου· Θεοκρίτου Θύρσις ἢ ὦδῃ. τούτ' ἐστὶν ὁ βουλούμενος Θύρσιν ὑπογράφετω ἢ ὦδῃν ²⁰⁹). Бывало и такъ, что свое наименованіе книга получала не отъ автора, а отъ какого либо грамматика. Если Галенъ предоставлялъ въ распоряженіе пріятелей свои рукописи, не снабдивъ ихъ ни какимъ заглавіемъ ²¹⁰), то такіе случаи извѣстны въ исторіи книжнаго дѣла и раньше. Не предназначаемыя первоначально къ изданію въ свѣтъ, — подобныя „σχολικὰ ὑπομνήματα“ съ теченіемъ времени могли расходиться по рукамъ во многочисленныхъ спискахъ, попадать на книжный рынокъ и пере-

ваніе одноименныхъ городовъ въ различныхъ областяхъ могло въ свою очередь служить виною превратныхъ заключеній. Легенда о Тиртѣѣ, быть можетъ, обязана своимъ происхожденіемъ не чему иному, какъ смѣшенію двухъ Афиднѣ, — см. Steph. Byz. s. v. Ἀφιδνα.

²⁰⁹) Uppenkamp, p. 42. — Вотъ еще примѣры различныхъ обозначеній одного и того же произведенія: Athen. II, 45 ef. Ἰπποκράτης ἐν τῷ περὶ διαίτης φησὶν, ὅ τινες μὲν ἐπιγράφουσι περὶ ὀξέων [νόσων], οἱ δὲ περὶ πτισάνης, ἄλλοι δὲ πρὸς τὰς Κνιδίᾳς γνώμας; Schol. Pind. ad od. II Pyth. διεστασίασται οὐ μετρίως τοῖς πρὸ ἡμῶν· οἱ μὲν γὰρ οὐδὲ ὅλως ἐπίνικον αὐτὸν εἶναι φασί, Τίμαιος δὲ Συσιατῆριον, Καλλίμαχος δὲ Νεμεακόν, Ἀμμώνιος δὲ καὶ Καλλίστρατος Ὀλυμπιακόν, ἔνιοι δὲ Πυθικόν, ὡς Ἀπολλώνιος ὁ εἰδογράφος, ἔνιοι δὲ Παναθηναϊκόν.

²¹⁰) Galen. περὶ τῆς τάξεως τῶν ἰδίων βιβλ. XIX p. 10 K.: φίλοις ἢ μαθηταῖς ἐδίδοτο χωρὶς ἐπιγραφῆς ὡς ἂν οὐδὲ πρὸς ἔκδοσιν, ἀλλ' αὐτοῖς ἐκεῖνοις γεγραμμένα, δεηθεῖσιν ὧν ἤκουσαν ἔχειν ὑπόμνημα.

ходить въ потомство безъ всякаго надписанія, каковое лишь впоследствии такъ или иначе брались восполнить грамматикѣ и пинакографы. Мы знаемъ напр., что еще во времена Платона гиппократовы сочиненія обращались въ публикѣ безъ обозначенія заглавій (Plat. Phaedr. 270 с., Protag. 311 b), что многіе аристотелевскіе трактаты обязаны своими титулами позднѣйшимъ редакторамъ и т. п.²¹¹⁾ Драматическія произведенія, подвергаясь со стороны авторовъ переработкѣ, получали въ новомъ видѣ часто и новыя наименованія. Срв. Athen. XI р. 496 е — Δίφιλος Αἰρησιτεῖχει· τὸ δὲ δράμα τοῦτο Καλλίμαχος ἐπιγράφει Εὐνοῦχον; тамъ же, пятью строками ниже: Δίφιλος δ' ἐν Εὐνούχῳ ἢ Στρατιώτῃ, ἔστι δὲ τὸ δράμα διασκευὴ τοῦ Αἰρεσιτεῖχους. Подъ различными названіями слыли также иногда однѣ и тѣ же пьесы въ дидактикаліяхъ и въ литературѣ: срв. Soph. Ai. arg. ὅθεν καὶ τῇ ἐπιγραφῇ πρόσκειται Μαστιγοφόρος, ἢ πρὸς ἀντιδιαστολὴν τοῦ Λοκροῦ. Δικαίαρχος δὲ Αἴαντος θάνατον ἐπιγράφει. ἐν δὲ ταῖς διδασκαλίαις ψιλῶς Αἴας ἀναγέγραπται.

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы ясно видѣть, какъ много помимо намѣреннаго, злостнаго обмана существовало условій, въ силу которыхъ произведенія древней литературы могли попадать сперва въ разрядъ анонимныхъ, а потомъ въ категорію сомнительныхъ и подложныхъ. Зачастую и авторы, и издатели, и книгопродавцы были въ этомъ совершенно неповинны. Послѣдовательная переписка, внося порчу и искаженіе въ текстъ, не щадила и заголовка, который сверхъ того отъ времени и людской небрежности вообще страдалъ больше, нежели самая рукопись. Имена, отчества, географическія названія, титулы сочиненій—все это смѣшивалось, варіировалось и искажалось на тысячу ладовъ, и, чтобы разобраться въ этой путаницѣ, александрійскимъ и пергамскимъ ученымъ пришлось нагромоздить томы на томы кропотливѣйшихъ изслѣдованій.

²¹¹⁾ Asclep. Trall. ad Metaph. ἵστέον δέ, ὅτι ἐπιγράφεται καὶ Σοφία καὶ Φιλοσοφία καὶ Πρώτη Φιλοσοφία καὶ Μετὰ τὰ φυσικά... καὶ Θεολογία δὲ καλοῦσιν αὐτήν. Названіе „метафизики“ дано этому сочиненію Андроникомъ.

Далѣ, всѣмъ извѣстно, насколько шатко и неопредѣленно было понятіе о литературной собственности въ древнемъ мірѣ. Авторъ часто не заботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право на то или другое изъ своихъ произведеній, ибо не видѣлъ въ этомъ никакой надобности. Нѣкоторые сочиненія прямо писались на заказъ, — стало быть, имѣли случайный характеръ и не предназначались для обращенія въ публикѣ, — и, разъ заказчикъ уплатилъ автору условленный гонораръ, рукопись тотчасъ же становилась его неотъемлемымъ достояніемъ. Такъ бывало напр. съ судебными рѣчами многихъ извѣстныхъ ораторовъ. Такъ какъ по смыслу аѳинскаго законодательства каждый гражданинъ долженъ былъ самолично вести свое дѣло въ судѣ и никакіе адвокаты не могли замѣщать ни истца, ни отвѣтника ²¹²), то лица, не обладавшія ни достаточнымъ знаніемъ законовъ, ни надлежащимъ даромъ изложенія, принуждены были готовить свои обвинительныя или защитительныя рѣчи заранее при содѣйствіи и поддержкѣ со стороны опытныхъ юристовъ. Роль послѣднихъ могла ограничиваться лишь изустными наставленіями да сообщеніемъ нѣсколькихъ подходящихъ къ случаю общихъ мѣстъ, которыми кліенту предоставлялось пользоваться по мѣрѣ своего умѣнья; но нерѣдко она переступала эти скромные предѣлы, и юристъ составлялъ на бумагѣ полностью либо въ болѣе или менѣе подробномъ конспектѣ требуемую рѣчь, которую затѣмъ и продавалъ заинтересованному лицу. Сдѣлки этого рода носили вполнѣ частный характеръ, совершались келейно, негласно, и если рѣчь впослѣдствіи пріобрѣтала извѣстность, какъ литературный памятникъ, то истиннаго автора ея отыскать было нелегко, да онъ и самъ зачастую отвергалъ свое участіе въ ея составленіи. Такъ напр. мы знаемъ, что Исократъ въ началѣ своей карьеры, подобно Лисію и другимъ, не брезгалъ ремесломъ «логографа»

²¹²) Такъ назыв. *συγγήγοροι*, которыхъ могли привлечь къ дѣлу тяжущіяся стороны, не были адвокатами въ нашемъ смыслѣ слова, хотя иногда и получали за свое участіе въ процессѣ плату.

и, повидимому, написал по заказу какъ тѣ немногія судебныя рѣчи, которыя дошли до насъ, такъ и нѣсколько другихъ, обращавшихся, съ его именемъ въ древности; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Діонисія (de Isocr. 8), пасынокъ его Афарей во исполненіе воли самого автора категорически отрицалъ принадлежность этихъ рѣчей ему. Легко представить себѣ также и другіе случаи, когда для автора являлось желательнымъ какъ нибудь скрыть или замаскировать свое имя. Знаменитый ксенофонтъ «Анабасисъ» былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ первыхъ псевдонимныхъ произведеній: появленіе въ свѣтъ невѣрнаго отчета объ отступленіи десяти тысячъ грековъ, написаннаго нѣкимъ Софѣанетомъ, вынудило главнаго героя этого событія выступить въ свою очередь на литературное поприще съ рѣчью *pro domo sua*, и онъ предпочелъ повести эту рѣчь о себѣ въ третьемъ лицѣ, отъ имени никому невѣдомаго Θεμιστοгена сиракузскаго. Подобнымъ же образомъ, хотя и по совершенно инымъ побужденіямъ, греческіе драматурги ставили иногда на сцену свои произведенія подъ чужими именами. Первыя свои комедіи (Δαίταλῆς, Βαβυλώνιοι, Ἀχαρνῆς) Аристофанъ поставилъ при посредничествѣ друзей своихъ Филонида и Каллистрата, согласившихся фигурировать въ качествѣ авторовъ этихъ пьесъ ²¹³). Постановку послѣднихъ своихъ произведеній онъ также поручилъ сыну своему Арароту, имя котораго было поэтому занесено въ официальные протоколы представленій и ошибочно признавалось за имя автора нѣкоторыхъ аристофановыхъ вещей еще Климентомъ александрийскимъ. Тому же Арароту, равно какъ и брату его Филиппу, приходилось, повидимому, являться передъ аѳинскою публикою также и съ произведеніями другаго комика, Эвбула,—обстоятельство, служившее въ свою очередь источникомъ многихъ ошибокъ ²¹⁴).

²¹³) См. по этому предмету Alb. Briel De Callistrato et Philonide sive de actionibus Aristophaneis. Berl. 1887. Также J. N. Gröbl Die ältesten Hypotheseis zu Aristophanes. Dillingen. 1890 (стр. 23 сл., 26 сл.).

²¹⁴) Ath. XIII, p. 568 f. ἐν Ναννίῳ, εἰ Εὐβούλου τὸ δράμα καὶ μὴ Φιλίππου; p. 562 с. (и въ другихъ мѣстахъ) Εὐβούλος δ' ἢ Ἀραρώς ἐν Καρπολίῳ.

Собственно говоря, во всѣхъ такихъ случаяхъ, каковы только что приведенные, псевдонимность близко граничила съ плагиатомъ. Это понимали и древніе, и тотъ самый Аристофанъ, который въ обезпеченіе успѣха первыхъ дебютовъ своего сына на сценическомъ поприщѣ позволялъ себѣ ставить подъ его именемъ собственныя пьесы, не преминулъ однако посмѣяться надъ Софокломъ, котораго также подозрѣвали въ авторствѣ драмъ, официально приписывавшихся сыну его Іофонту (Sch. Ran. v. 73; Ar. Vesp. v. 1018). Но не только Софоклъ, а и Эсхиль, и Эврипидъ не были безгрѣшны въ этомъ отношеніи, — и они дѣлились своими лаврами съ менѣе талантливыми дѣтьми, беззастѣнчиво обращавшими въ свою собственность съ согласія отцевъ творенія этихъ послѣднихъ ²¹⁵).

Вообще плагиатъ былъ въ древнихъ литературахъ явленіемъ нерѣдкимъ. Мы не станемъ касаться юридической стороны этого дѣла, а равно не будемъ въ подробности разсматривать, въ какой мѣрѣ понятія о литературной собственности въ древности разнились отъ понятій современныхъ, — насъ занимаютъ здѣсь вопросы исключительно историческаго свойства, и имъ мы удѣлимъ нѣсколько строкъ сообразно съ цѣлями и размѣрами настоящаго изслѣдованія ²¹⁶).

Въ области прозы плагиатъ обнаруживается въ Греціи съ самаго зарожденія прозаической литературы. Такъ называемые «логографы» иногда цѣликомъ вносили въ свои труды болѣе или менѣе объемистые эксцерпты изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, не находя нужнымъ ссылаться при этомъ на источникъ заимствованія. Акусилай черпалъ свой

²¹⁵) Suid. Εὐφορίων, υἱὸς Αἰσχύλου τοῦ τραγικοῦ, Ἀθηναῖος, τραγικὸς καὶ αὐτός, ὃς καὶ τοῖς Αἰσχύλου τετρακτίς ἐνίκησεν. ἔγραψε δὲ καὶ οἰκίστα. — Eurip. vit. (ap. Westerm. p. 134): καὶ οὗτος κατέλιπε [ὁ Εὐριπίδης] τρεῖς... νεώτερον δ' Εὐριπίδην, ὃς ἐδίδαξε τοῦ πατρὸς ἑνὶ δράματι.

²¹⁶) О псевдонимности, плагиатѣ и литературныхъ подлогахъ въ древней Греціи мы до сихъ поръ не имѣемъ обстоятельнаго изслѣдованія, не смотря на изрядное количество матеріала и интересъ предмета. Эггеръ, Шмитцъ, Калльмеръ (La propriété littéraire à Athènes. 1868), Шмидтъ, Биртъ и др. не исчерпали этого вопроса.

материалъ главнымъ образомъ изъ Гесиода, котораго, по увѣреніямъ позднѣйшихъ писателей, въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправилъ; Дамасть не въ мѣру воспользовался трудами Гекатѣя (Agathem. II, 7 *Δαμάστης* — τὰ πλεῖστα ἐκ τῶν *Ἑκαταίου μεταγράψας*). Изъ первыхъ пионеровъ философской мысли также не всѣ были самостоятельны. Особенно относится это къ авторамъ различныхъ „φιλόσοφα ἔπη“ съ этическимъ содержаніемъ, въ коихъ многое и по самой формѣ своей принадлежало древней традиціи. Со временъ Перикла начался въ средѣ аттическихъ комиковъ рядъ взаимныхъ обвиненій въ литературномъ воровствѣ: Кратетъ поставилъ на сцену въ передѣлкѣ и съ добавленіями комедію своего современника Магнета „*Διώνυσος*“ и даже самъ не скрывалъ этого; Эвполидъ въ своей пьесѣ „*Μαρκιάς*“ цѣликомъ воспроизвелъ сюжетъ аристофановыхъ «Всадниковъ», чѣмъ вызвалъ протестъ со стороны Аристофана ²¹⁷⁾; Алексидъ присвоилъ себѣ антифанову «Антею», сдѣлавъ въ этой комедіи лишь весьма незначительныя измѣненія ²¹⁸⁾. Самые крупные представители драматической поэзіи не гнушались плагиатомъ: по увѣренію Дикѣарха и автора псевдоаристотелевскихъ „*ὑπομνήματα*“, знаменитая «Медя» Эврипида представляла собою не что иное, какъ сколокъ съ пьесы того же имени, принадлежавшей малоизвѣстному трагику Неофрону ²¹⁹⁾. Значительную долю мелическихъ частей въ эврипидовыхъ трагедіяхъ молва приписывала также не самому

²¹⁷⁾ Объ этомъ трактуетъ E. Struve De Eupolidis Maricante sive de Aristophane accusatore et Eupolide plagii reo. Kiel. 1841.

²¹⁸⁾ Athen. III p. 127 b sq.: λέξω δὲ—Ἀντιφάνους παρατιθέμενος ἐξ Ἀντείας τάδε... τὸ δ' αὐτὸ τοῦτο δράμα φέρεται καὶ ὡς Ἀλέξειδος ἐν ὀλίγοις σφόδρα διαλλάττον.

²¹⁹⁾ Argum.: τὸ δράμα δοκεῖ ὑποβαλίσθαι παρὰ Νεόφρονος διασκευάσας, ὡς Δικαίαιρχος περὶ τοῦ τῆς Ἑλλάδος βίου καὶ Ἀριστοτέλης ἐν ὑπομνήμασι. Христъ (LG. 2 Aufl. стр. 220), впрочемъ, думаетъ, что либо первая редакція эврипидовой «Медя» была ошибочно приписана позднѣйшими критиками Неофрону, либо же трагедію свою Эврипидъ поставилъ на сцену не самъ, а при посредствѣ Неофрона, взявшаго на себя обязанности и трудъ режиссера.

автору, а рабу его Кефисофонту и какому то аргосцу Тимократу ²²⁰⁾.

Иногда въ положеніи плагиатора могъ очутиться человекъ, совершенно ни въ чемъ неповинный, невольно и непредумышленно, — своеобразная черта, свойственная, кажется, исключительно литературнымъ порядкамъ одной древности. Такъ напр. при переходѣ манускрипта изъ рукъ въ руки и при послѣдовательной перепискѣ его могла между прочимъ грозить опасность смѣшать имя справщика съ именемъ автора, равно какъ и время написанія рукописи со временемъ ея исправленія, ибо грамматикъ, провѣрившій и исправившій манускриптъ, обыкновенно отмѣчалъ на немъ свое имя, а иногда обозначалъ и время своей работы ²²¹⁾. Мнѣ кажется, что слѣдъ такого смѣшенія замѣтенъ въ одномъ изъ каллимаховыхъ фрагментовъ: εἰλικρινῶς δὲ τοῦ δράματος (Ἀνδρομάχης) χρόνους οὐκ ἔστι λαβεῖν. οὐ δεδιδάχται γὰρ Ἀθήνησιν. ὁ δὲ Καλλίμαχος ἐπιγραφῆναί φησι τῇ τραγῳδίᾳ Δημοκράτην ²²²⁾. Имя Δημοκράτην Шнейдеръ предлагаетъ исправить въ Τιμοκράτην на основаніи вышеприведеннаго [прим. 219] мѣста изъ эврипидова жизнеописанія, хотя, повидимому, и самъ не придаетъ большаго значенія своей конъектурѣ. Рихтеръ ²²³⁾ усматриваетъ здѣсь смѣшеніе имени автора съ именемъ протагониста, что еще менѣе вѣроятно. Но есть возможность предположить, что Δημοκράτης представляетъ собою именно названіе справщика, черезъ руки котораго прошелъ одинъ изъ экземпляровъ эврипидовой трагедіи, и тогда нѣтъ надобности увеличивать извѣстные намъ списки греческихъ актеровъ и драматурговъ лишнимъ загадочнымъ именемъ.

Приведемъ другой образецъ невольнаго плагиата. Еще при жизни извѣстнаго историка Теопомпа съ его именемъ

²²⁰⁾ Eurip. vit. (ap. Westerm. p. 134): οἱ δὲ τὰ μέλη αὐτοῦ [Εὐριπίδου] φησι Κηφισοφόντα ποιεῖν ἢ Τιμοκράτην Ἀργεῖον.

²²¹⁾ Примѣры этихъ подписей имѣются и нынѣ.

²²²⁾ Schol. VR ad Eurip. Androm. 446 (Schneider Callim. frg. 100^a, 26).

²²³⁾ Proleg. in Aristoph. Vesp. 19.

былъ выпущенъ въ свѣтъ и нѣкоторое время обращался въ публикѣ памфлетъ *Τριχράνος*, написанный зло и несправедливо, совершенно въ стилѣ названнаго писателя, прославившагося своимъ злымъ языкомъ (*maledicentissimus scriptor. Corn. Nep. Alcib. 11*). Въ памфлетѣ этомъ доказывалось, что во всѣхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Грецію, виноваты были три государства, стоявшія во главѣ ея, — Аѣины, Спарта и Θивы. Безспорно, произведение такого рода могло легко повредить автору и во всякомъ случаѣ должно было ему надѣлать хлопотъ. Дѣйствительнымъ же составителемъ «Треглава» былъ, какъ оказалось, не Θεοпомπς, а личный врагъ его, реторъ Анаксименъ изъ Лампсака, ученикъ Зоила.

Впрочемъ, случаи такого открытаго, дерзкаго подлога, разумѣется, если и повторялись, то не могли быть многочисленны. За то поддѣлки другаго рода, когда какой нибудь литературный продуктъ новѣйшей фабрикаціи выдавался за произведение древняго писателя съ громкимъ именемъ и широкимъ кругомъ почитателей, совершались сплошь и рядомъ. И при этомъ поддѣльщикъ могъ преслѣдовать самыя различныя цѣли. Иногда, покушаясь на подлогъ, онъ дѣлалъ это исключительно въ видахъ сообщенія нѣкотораго вѣса и авторитета своимъ литературнымъ издѣліямъ въ глазахъ читающей публики. Это, пожалуй, была своего рода «*ria fraus*», какъ выражается М. Мейеръ ²²⁴⁾, и примѣръ ея мы встрѣчаемъ уже въ глубокой древности. Знаменитый процессъ Ономакрита, уличеннаго Ласомъ герміонскимъ въ поддѣлкѣ прорицаній Мусэя, представляетъ собою первое звено въ длинной цѣпи доказанныхъ фактовъ этой категоріи. Уже Геродотъ (II, 53) былъ увѣренъ, что всѣ произведенія поэтическаго творчества, имѣвшія претензію на до-гомеровское происхожденіе, на самомъ дѣлѣ возникли гораздо позже Гомера и Гесіода. Для ученыхъ александрійской школы это было неопровержимою аксіомою ²²⁵⁾. Подобнымъ же обра-

²²⁴⁾ M. Meyeri Opusc. academica, I, p. 85.

²²⁵⁾ Schol. Dion. Thrac. p. 785 Bekk.: εἰ καὶ ἰστοροῦσι τινες ποιητὰς προγενέσθαι Ὀμήρου Μουσαῖον τε καὶ Ὀρφέα καὶ Λίνον, ἀλλ' ὅμως οὐδὲν πρὸς

зомъ весьма рано было заподозрѣно многое и изъ того, что приписывалось Гомеру и Гесіоду, хотя здѣсь, конечно, нѣтъ надобности непремѣнно предполагать намѣренный обманъ. Громкая слава такъ называемыхъ семи мудрецовъ внушила смѣлому мистификатору Лобону аргосскому мысль подъ ихъ именемъ выпустить въ свѣтъ нѣсколько тысячъ самодѣльныхъ стиховъ, и поддѣлка имѣла успѣхъ ²²⁶). Пифагорейцы, составивъ подъ названіемъ «Золотыхъ Виршей» стихотворный кодексъ морали въ духѣ этического ученія своей секты, приписали авторство, ничтоже сумняшеся, самому Пифагору ²²⁷). Въ александрійскія времена литературнымъ подлогомъ не брезгали нѣкоторые изъ эллинизованныхъ евреевъ, видя въ немъ одно изъ средствъ доказать превосходство еврейской культуры передъ греческою. Такъ напр. іудейскій философъ Аристобуль при Птолемѣ Филометорѣ издалъ обширный комментарий къ «Пятикнижію», который въ виду указанной цѣли наводнилъ множествомъ подложныхъ ссылокъ на стихи Орфея, Лина, Гомера, Гесіода и др. ²²⁸). Другой еврей неизвѣстныхъ, но во всякомъ случаѣ не слишкомъ позднихъ временъ, былъ авторомъ дидактической поэмы, ложно приписанной имъ элегiku Фокилиду ²²⁹). Наконецъ, третій еврей составилъ нѣсколько подложныхъ писемъ, выпу-

βύτερον τῆς Ἠλιάδος καὶ Ὀδυσσεύας σώζεσθαι ποιήματα. ἀλλ' ἔρεϊ τις, πῶς; ἐπεὶ γράμματα σώζονται πρεσβύτερα; καὶ φημεν, ὅτι τὰ μὲν τούτων ἐψευσμένους ἔχουσι τοὺς χρόνους, τὰ δὲ νεωτέρων τινῶν ἔχόντων ὁμωνυμίας τῶν παλαιῶν τὰς ἐπιγραφὰς ἔχουσι.

²²⁶) Hiller Die litter. Thätigkeit der sieb. Weisen. Rhein. Mus. 33, стр. 518 слл.

²²⁷) На этотъ памятникъ ссылался уже Хрисиппъ у Гелл. VII, 2, 12, какъ на произведеніе пифагорейцевъ. Срв. Nauck Bull. de l'ac. de St. Pétr. 18, 472 слл.

²²⁸) Valkenaer Diatribe de Aristobulo Judaeo (LB. 1806).—Zeller Philos. d. Griech. III, 2, 258 сл.; Bergk (Gr. L. G. IV, 534 сл.) относитъ комментарий Аристобула ко времени не раньше Августа и имя автора считаетъ подложнымъ.

²²⁹) Бернайсъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ (Ueb. das phokylidiesche Gedicht. Berl. 1856) датируетъ псевдофокилидову поэму двумя хронологическими терминами,—онъ помѣщаетъ ее между II стол. до Р. X. и временемъ Нерона.

ценныхъ имъ съ именемъ философа Гераклита, авторитетъ котораго долженъ былъ на этотъ разъ послужить въ подкрѣпленіе притязаній еврейскаго народа на равноправность съ чистокровными эллинами ²³⁰).

Случалось также, что влекомые чувствомъ горячаго расположения къ извѣстному литературному дѣятелю друзья и родственники сознательно или невольно надѣляли его впоследствии чужими трудами, приписывая ему сочиненія, на самомъ дѣлѣ ему не принадлежавшія, но вышедшія изъ его школы и возникшія подъ его вліяніемъ. Такъ напр. въ число платоновыхъ твореній попало много такого, что въ дѣйствительности было написано не самимъ философомъ, а уже его учениками, между прочимъ его издателемъ Филиппомъ опунтскимъ ²³¹). Аристотель испыталъ подобную же участь: никто, быть можетъ, во всей исторіи литературы не былъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, услужливыми поклонниками награжденъ чужимъ добромъ, и въ настоящее время стоитъ даже на очереди вопросъ, не принадлежалъ ли къ этому чужому добру и пресловутый трактатъ объ афинскомъ государствѣ, недавно открытый и изданный, равно какъ и вообще всѣ приписанныя древностью Аристотелю „полιτεία“?..

Но, разумѣется, обманъ, производимый съ коммерческими цѣлями, ἐπὶ αἰσχροκερδείᾳ, встрѣчался наиболѣе часто и проявлялся въ наиболѣе безцеремонныхъ формахъ. Свитки, помѣченные именами крупныхъ литературныхъ знаменитостей, сплошь и рядомъ оказывались совершенно ничтожными продуктами наглой поддѣлки, и потому, естественно, покупатели привыкли относиться къ товару, выставленному въ книжныхъ лавкахъ, съ большою осмотрительностью, не слишкомъ полагаясь на добросовѣстность книгопродавцевъ. Въ особенности увеличились размѣры этого рода фальсификаціи съ тѣхъ поръ, какъ началось знаменитое состязаніе Александріи съ Пергамомъ и другими культурными центрами по части соби-

²³⁰) Edm. Pfleiderer Die pseudoheraklitischen Briefe und ihr Verfasser (Rhein. Mus. 42, стр. 153 слл.).

²³¹) Срв. Diog. Laert. III, 37; Suid. s. v. Φιλόσοφος.

ранія и пріобрѣтенія рукописей. Правда, Галенъ ошибался, утверждая, что прежде, нежели возникла эта оригинальная конкуренція, такъ называемыхъ *ψευδεπίγραφα* не было ²³²); но во всякомъ случаѣ они не были до этого времени такъ многочисленны и такъ разнообразны, какъ сдѣлались впоследствии, благодаря всевозможнымъ ухищреніямъ торговцевъ, изошрившихъ свою изобрѣтательность по части литературнаго подлога до высшей степени въ виду крупныхъ выгодъ, какія этотъ промыселъ сталъ доставлять въ эпоху эпигоновъ...

Мы боимся безъ особенной необходимости увеличить размѣры этого отступленія и потому ограничимся здѣсь лишь самонужнѣйшими указаніями.

Первѣе и больше всего страдала отъ фальсификаціи рукописей достовѣрность историко-литературнаго преданія. Количество сочиненій, ложно приписанныхъ съ цѣлями скорого сбыта всѣмъ мало-мальски выдающимся писателямъ древности, было въ александрійскія времена уже такъ велико, что изслѣдованіе подлинности каждаго произведенія въ цѣломъ и въ частяхъ стало отнынѣ существеннѣйшею задачею грамматиковъ, — задачею, рѣшеніе которой отодвигало на задній планъ даже эстетическую оцѣнку достоинствъ и недостатковъ произведенія. Такъ напр. Діонисій еракійскій, опредѣляющій грамматику, какъ „ἐμπειρίαν τῶν παρὰ ποιηταῖς τε καὶ συγγραφεῦσιν ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ λεγόμενων“, различаетъ въ этой дисциплинѣ шесть отдѣльных частей (ἀνάγνωσις, ἐξήγησις, γλωσσῶν καὶ ἱστοριῶν ἀπόδοσις, ἐτυμολογίας εὗρεσις, ἀναλογίας ἐκλογισμός, κρίσις ποιημάτων) и предметомъ послѣдней изъ нихъ (κρίσις ποιημάτων) считаетъ слѣдующее: κρίνει δὲ τὰ ποιήματα οὐχ ὅτι καλὰ ἔστιν ἢ κακὰ· ποιητοῦ γὰρ ἂν εἴη τὸ τοιοῦτον· ἀλλ' ἐπειδὴ πᾶν μέτρον ὑπὸ τὴν τέχνην ἔστιν, ἀνάγκη τὸν γραμματικὸν ταῦτα πάντα διακρίνειν, εἰ τοῦ αὐτοῦ ἔστι ποιητοῦ (Schol. Dion. Thrac. p. 741 sq.). Хотя здѣсь рѣчь идетъ о поэзии, тѣмъ не менѣе,

²³²) Galen. in Hippocr. de nat. hom. II. T. XV. p. 105 πρὶν γὰρ τοῦ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τε καὶ Περγᾷ γενέσθαι βασιλεῖς ἐπὶ κτήσει παλαιῶν βιβλίων φιλοτιμηθέντας, οὐδέπω ψευδῶς ἐπεγέγραπτο σύγγραμμα· λαβεῖν δ' ἀρξαμένων μισθὸν τῶν κομιζόντων αὐτοῖς συγγράμματα παλαιοῦ τινος ἀνδρὸς οὕτως ἤδη πολλὰ ψευδῶς ἐπιγράροντες ἐκόμιζον.

какъ показываютъ фрагменты пинакографовъ, несомнѣнно, что и прозаическія произведенія разсматривались съ той же критической точки зрѣнія, и вопросъ: „εἴτε γνήσιόν ἐστι τὸ σύγγραμμα, εἴτε μὴ“—стоялъ во главѣ всѣхъ другихъ.

Продуктъ подлога отличался, если можно такъ выразиться, особенною пикантною, когда мнимымъ авторомъ произведенія оказывалось лицо, извѣстное именно тѣмъ, что, несмотря на всѣ данныя для плодотворной дѣятельности на литературномъ поприщѣ, оно тѣмъ не менѣе на этомъ поприщѣ не выступало. Какъ бы ни былъ подозрителенъ критикъ, онъ все же могъ не устоять отъ искушенія считать подлинными находившіяся въ продажѣ рѣчи Перикла,—этого свѣтила ораторскаго искусства, у котораго, по выраженію комика, „πειθὼ τις ἐπεκάθειζεν ἐπὶ τοῖς χείλεσιν“,—или Алкивиада, не менѣе знаменитаго своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, хотя ни тотъ, ни другой не издавалъ своихъ рѣчей, да и подобное изданіе въ ихъ времена считалось еще дѣломъ предосудительнымъ ²³³). Самъ Каллимахъ совершалъ промахи въ этомъ родѣ. Такъ напр. у Аэнея XV стр. 669 d значитъ: Διονύσιος—Χαλκοῦς προσηγορεύθη διὰ τὸ συμβουλευσαὶ Ἀθηναίοις χαλκῷ νομίσματι χρῆσασθαι καὶ τὸν λόγον τοῦτον ἀνέγραψε Καλλίμαχος ἐν τῇ τῶν ῥητορικῶν ἀναγραφῇ. На самомъ дѣлѣ Діонисій, о которомъ здѣсь говорится, былъ несомнѣннымъ авторомъ лишь элегическихъ стихотвореній,

²³³) „Durch das Zeugniß des platonischen Phaidros wissen wir, dass die Abneigung gegen die Veröffentlichung von Reden auch nach dem peloponnesischen Kriege noch nicht geschwunden war. Also muss, was an der Grenze des fünften und vierten Jahrhunderts geschrieben sein soll, gleichfalls den Verdacht erregen“. Sittl LG. II, стр. 81 сл. А между тѣмъ число ораторскихъ произведеній, относимыхъ къ этой порѣ, было весьма значительно. Периклу приписывалось нѣсколько литературныхъ работъ (Cic. Brut. 7, 27; de orat. 2, 22, 93), а Свидя увѣряетъ даже, что онъ и говорилъ то свои рѣчи, такъ сказать, по тетрадѣхъ (πρῶτος γραπτὸν λόγον ἐν δικαστηρίῳ εἶπε, τῶν πρὸ αὐτοῦ σχεδιαζόντων. Suid. v. Περικλῆς). Съ пнемемъ Дамона, который обучалъ Перикла музыкѣ, обращалась въ продажѣ также одна рѣчь, произнесенная будто бы имъ въ ареопагѣ въ защиту своего искусства (Philodem. mus. 4, 33 sq.). Объ Алкивиадѣ см. Cic. I. I. Всѣ политическія рѣчи Андокида также, какъ извѣстно, признаны подложными.—Срв. Sittl стр. 78 сл.; объ Андокидѣ главнымъ образомъ М. Meyer Opusc. academ. I, 74 sqq., II, 1 sqq.

коихъ фрагменты собраны у Бергга; что же касается приписанной ему въ каллимаховыхъ «Таблицахъ» рѣчи, то она, по всей вѣроятности, вышла изъ какой нибудь реторской школы и была написана просто *γυμνασίας ἐνεκα*. Подобнымъ же образомъ не было недостатка въ лицахъ, склонныхъ признать дѣйствительно сократовскими тѣ письма и стихотворенія, которыя у книгопродавцевъ слыли подъ именемъ таковыхъ, или эзоповскими тѣ басни, которыя въ продажѣ приписывались этому загадочному баснописцу.

Къ числу дерзкихъ подлоговъ этой же категоріи слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ сборниковъ писемъ, принадлежавшихъ будто бы различнымъ болѣе или менѣе виднымъ историческимъ личностямъ и по количеству достигшихъ въ александрійскія времена уже весьма почтенной цифры. Сюда относятся напр. подложныя письма агригентскаго тирана Фаларида,Themistocles, Демокрита, Гиппократы, многихъ сократовцевъ и, какъ сейчасъ было упомянуто, самого Сократа, Пифагора и Феано, Исократы, Платона и многихъ другихъ. Обычай издавать свою корреспонденцію, безъ сомнѣнія, былъ весьма поздняго происхожденія. Онъ могъ возникнуть лишь тогда, когда читающая публика стала интересоваться индивидуальною жизнью знаменитыхъ людей прошлаго, ихъ личными взглядами и убѣжденіями, ихъ частными отношеніями, ихъ идеалами и завѣтными вѣрованіями,— словомъ, тѣмъ сокровеннымъ, внутреннимъ міромъ, который чаще всего отражается именно въ перепискѣ съ избранными друзьями, съ учениками, съ партизанами и единомышленниками. Я поэтому согласенъ съ Вилламовицемъ, по мнѣнію котораго первую опубликованную корреспонденцію была, вѣроятно, аристотелевская. Успѣхъ послѣдней, интересъ, возбужденный ею въ обществѣ, спросъ на другіе сборники эпистолографическаго содержанія,—все это должно было вызвать поддѣлку, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ удобнѣе было для поддѣльщика въ эпистолярной формѣ про- вести любую тенденцію политическаго или религіознаго хара-

ктера, безцеремонно навязавъ ее любому авторитетному имени ²³⁴).

Затрогивая внутреннюю сторону литературныхъ памятниковъ, касаясь непосредственно ихъ содержанія, поддѣлка не щадила и внѣшней ихъ стороны. Когда простой, трезвый интересъ къ чтенію, пробудившійся въ обществѣ, сталъ вырождаться мало по малу въ болѣзненную библіоманію, въ глазахъ завзятыхъ книгособрателей получили большой вѣсъ и значеніе между прочимъ и внѣшнія особенности приобретаемыхъ манускриптовъ. Какъ рѣзко могли различаться между собою рукописи по красотѣ почерка, изяществу отдѣлки, чистотѣ и, наконецъ, по самому качеству писчаго матеріала, — о томъ, какъ извѣстно, въ достаточной мѣрѣ свидѣлствуютъ египетскіе папирусы, заключающіе въ себѣ рѣчи Гиперида. Впрочемъ, помимо четкости и опрятности цѣнилась и древность или, точнѣе, оригинальность рукописи. Любители гнались за приобретениемъ авторскихъ экземпляровъ, автографовъ, и нѣкоторые изъ послѣднихъ стояли въ такой высокой цѣнѣ, что книгопродавцы предпочитали не разставаться съ ними и извлекали выгоду, показывая эти рѣдкости интересующимся за деньги. Современемъ однако научились фабриковать древнія рукописи съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ нынѣ для легковѣрныхъ туристовъ въ мѣстахъ, примѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, фабрикуются предметы, имѣющіе археологическій интересъ. Съ цѣлью обмана вновь изготовленные списки клали на нѣкоторое время въ хлѣбъ, отчего измѣнялся первоначальный цвѣтъ папируса и самого письма, а потомъ для пущаго сходства слегка повреждали ихъ и выпускали въ продажу какъ рѣдкость, — какъ теперь продаютъ инкунабулы ²³⁵). Наглость поддѣльвателей и невѣжество библіома-

²³⁴) Срв. Wilamowitz-Möllendorff Antigonos v. Karystos, стр. 151, прим. 15. Здѣсь же справедливо указывается на настоятельную необходимость подробнаго разслѣдованія этого вопроса.

²³⁵) Dio Chrysost. Or. XXI, 12: πάντως γάρ τινι τῶν βιβλιοπωλῶν προσέσχης; διὰ τί δὴ τοῦτό με ἐρωτᾷς; ὅτι εἰδότες τὰ ἀρχαῖα τῶν βιβλίων σπουδαζόμενα ὡς ἀμεινον γεγραμμένα καὶ ἐν κρείττοσι βιβλίοις, οἱ δὲ τὰ φαυλότατα τῶν

новъ доходили до того, что въ императорскія времена могла расчитывать на сбытъ рукопись гомеровой «Одиссеи», выдаваемая за автографъ поэта!...

Разумѣется, не всѣ виды литературнаго подлога, здѣсь упомянутые, народились и практиковались въ то время, когда Сотеръ приступилъ къ созданію александрійской бібліотеки, но они, несомнѣнно, не замедлили появиться и усовершенствоваться, лишь только египетскіе правители заявили небывалый дотолѣ спросъ на книги и въ этомъ отношеніи началось пресловутое соперничество между Александріей и Пергамомъ. Такимъ образомъ не только Каллимаху и каллимаховцамъ, но и ихъ предшественникамъ при разборѣ и распредѣленіи приобретаемыхъ первыми Птолемѣями манускриптовъ по рубрикамъ неизбѣжно приходилось сталкиваться съ трудными критическими вопросами самаго разнообразнаго свойства.

Мы знаемъ, что всѣ вновь купленные рукописи были въ Александріи первоначально сложены въ кладовыхъ ²³⁶), откуда поступали на разсмотрѣніе специалистовъ книжнаго дѣла. Неизвѣстно, много ли было таковыхъ специалистовъ, занимавшихся разборомъ и сортировкой книжной коллекціи Птолемеевъ, но, по свидѣтельству Тзетза, въ ихъ числѣ находились Зенодотъ, Александръ этольскій и Ликофронъ халкидскій. „Ἀλέξανδρος ὁ Αἰτωλὸς καὶ Λυκόφρων ὁ Χαλκιδεύς“, читаемъ у Тзетза, „μεγαλοδωρίοις βασιλικοῖς προτραπέντες Πτολεμαίῳ τῷ Φιλαδέλφῳ τὰς σκηνικὰς διωρθώσαντο βιβλούς, τὰς τῆς κωμῳδίας καὶ τραγῳδίας καὶ τὰς τῶν σατύρων ψημί.... Ἀλέξανδρος ὠρθοῦ τὰ τραγικά, Λυκόφρων τὰ κωμικά... οὗτοι μὲν τὰς σκηνικὰς διωρθώσαντο βιβλούς, ὡς τὰς τῶν [λοιπῶν?] ποιητῶν ἐνεσκέψαντο Ἀρίσταρχοί τε καὶ Ζηνόδοτοι“ (ap. Ritschel. p. 199 sq.). „Τῶν Ἑλληνίδων δὲ βιβλῶν—τὰς τραγικὰς μὲν διώρθωσε [sc. ὁ Πτολεμαῖος] οἱ Ἀλέξανδρου τοῦ Αἰτωλοῦ, τὰς τῆς

νῦν καταθέντες εἰς σῆτον, ὅπως τὸ γὰρ χροῖμα ὅμοια γένηται τοῖς παλαιοῖς, καὶ προσδιαφείροντες ἀποδίδονται ὡς παλαιά.

²³⁶) Galen. in Hippocr. I. III Epidem. p. 411: οὐ γὰρ εὐθὺς εἰς τὰς βιβλιοθήκας αὐτὰ φέρειν, ἀλλὰ πρότερον ἐν οἴκοις τισὶ κατατίθεσθαι σωρηδόν. Срв. выше стр. 52.

χωμωδίας δὲ διὰ τοῦ Λυκόφρονος, διὰ δὲ Ζηνοδότου τοῦ Ἐφεσίου τὰς τῶν λοιπῶν ποιητῶν“ (ibid. p. 207). На упомянутых лицахъ, по смыслу приведенныхъ текстовъ, лежало разсмотрѣніе поэтическихъ произведеній греческой литературы, причемъ задача, предлежавшая ученымъ въ этомъ случаѣ, не вполне ясно опредѣляется словомъ „διορθοῦν“. Кейль въ виду полной невозможности предположить, что Александромъ и Ликофрономъ предприняты были критическія изданія сценическихъ поэтовъ, думалъ, что работа ихъ состояла въ подробномъ ознакомленіи съ содержаніемъ отдѣльных списковъ и въ опредѣленіи степени годности и достовѣрности послѣднихъ, причемъ де имъ неоднократно представлялся случай внести разнаго рода частныя исправленія (διορθώσεις) въ заглавія и въ самый текстъ произведеній²³⁷). Но едва ли не болѣе правдоподобно было бы толковать слово „διορθοῦν“ въ смыслѣ внѣшняго приведенія въ порядокъ соответствующихъ отдѣловъ коллекціи, т. е. распредѣленія отдѣльных произведеній по классамъ и авторамъ. Трудомъ Зенодота и его товарищей былъ бы такимъ образомъ подготовленъ колоссальный трудъ Каллимаха постольку, поскольку сортировка рукописей по какому бы то ни было принципу дѣленія (κατ' εἶδη, κατὰ μέτρα, κατὰ στοιχεῖον) должна была необходимо предшествовать систематической ихъ каталогизаціи и толковому описанію. При этомъ все еще оставалось бы достаточно простора для критической дѣятельности, какъ видно напр. изъ указаній на обширное сочиненіе Ликофрона „περὶ χωμωδίας“, коего цитируется девятая книга (Athen. XI p. 485 d) и въ коемъ между прочимъ разсматривались вопросы объ авторствѣ и надписаніи различныхъ піесъ,—очевидно,

²³⁷) „Vix quicquam invenias quod magis probabile dicas, quam singula volumina, ita ut congesta erant, ab illis examinata et recognita fuisse, ut quid in unoquoque contineretur, intelligerent, num ad auctorem, cujus nomen ferebat, pertineret, utrum a bono librario diligenter et polite an vitiose... scriptum esse quaerent... In illo autem negotio cum non solum titulorum, sed etiam ipsorum verborum emendandorum occasio data esset, sequitur id quoque quandam διορθωσιν fuisse“ (ap. Ritschel. p. 225).